Министерство образования Российской Федерации

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Язык • Речь • Речевая деятельность

Межвузовский сборник
научных трудов

Выпуск четвертый
Часть вторая

Нижний Новгород
2001

Министерство образования Российской Федерации

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Язык • Речь • Речевая деятельность

Межвузовский сборник
научных трудов

Выпуск четвертый
Часть вторая

Нижний Новгород
2001

Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

УДК 800

Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск четвертый. Часть вторая. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2001, - 78 стр.

В сборник вошли статьи, посвященные актуальным проблемам языкознания, а также вопросам методики обучения русскому языку. Выпускается в трех частях.

Редакционная коллегия:

М.А. Грачев – доктор филологических наук (отв. редактор);
В.Г. Тихонов – кандидат филологических наук;
Н.П. Дмитренко – кандидат филологических наук (отв. секретарь)

Рецензент: доктор филологических наук, доцент Л.В. Рацибурская

© Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2001

Е.А. Костромина

СВОЕОБРАЗИЕ ЦИТАЦИИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Всякий текст, в том числе рекламный, сплетен из необозримого числа культурных кодов, в существовании которых автор-рекламодатель может не отдавать себе отчета, но может и намеренно привлекать их в свой текст, создавая игру слов и смыслов. Приведем определение культурного кода, данное Р. Бартом: «это перспектива множества цитаций, мираж, сотканный из множества структур…; единицы, образуемые этим кодом, суть не что иное, как отголоски чего-то, что уже было видено, сделано, пережито: код является следом этого „уже“» [1].

Следует отметить, что проблема «текст в тексте» все чаще привлекает к себе внимание филологов – и литературоведов, и лингвистов [2,3,4,5]. Ю.М. Лотман пишет: «"Текст в тексте" – это специфическое риторическое построение, в котором закодированность разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» [4].

Рекламное обращение может включать в себя различные элементы чужого текста – цитатные и квазицитатные тексты*, которые могут быть названы прецедентными. Подобные включенные тексты чаще всего известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах как письменного, так и устного дискурса. Как отмечает Ю. Н. Караулов, «прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки-стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а возможно, и обратно» [3].

Прецедентные тексты вводятся в рекламный дискурс** посредством включения в него имени персонажа, заглавия или цитаты из исходного текста, а также посредством квазицитирования – перифраза, реминисценции. Но в том и в другом случае мы наблюдаем отсылки к другому, уже существующему дискурсу.

Прецедентные тексты используются не буквально, а в функции вторичного означивания. Таким образом, реклама как вторичная семиотическая система использует не только единицы языка, но и всей культуры в целом.

---

* Термины Е.А.Земской [2].

** Дискурс – «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [6,7]. Реклама – это вид прагматического дискурса, в котором актуализируются такие коммуникативные стратегии, как информирование, воздействие, побуждение.

Диапазон прецедентных текстов в рекламе очень широк. Он включает стихотворные и прозаические цитаты, названия художественных произведений, кинофильмов, пословицы и поговорки, устойчивые выражения, имена персонажей сказок и мифов и др. Реминисцентность* может проявляться не только на семантическом, содержательном уровне, но и на формальном – например, использование той или иной рифмы, формы стиха, пословицы.

В рекламном тексте цитаты могут использоваться во всех его компонентах (кроме, конечно, адресных данных): заголовке, слогане, основном тексте, заключении (прескрипторе). При этом они часто даются без кавычек, «вплавляясь» в авторский текст, как бы имитируя свою принадлежность автору. Однако их общеизвестность часто столь велика, что цитатность не только не вызывает сомнений, но просто бросается в глаза.

Отметим, что если рекламный текст построен на цитате, неизвестной массовому потребителю, никакого диалога с автором не возникает. Реципиент не видит «текста в тексте», а иногда может испытывать недоумение и даже раздражение: возникает минус-эффект коммуникации, а отсюда – невыполнение рекламой своих задач.

Цитаты в рекламных текстах, в отличие, например, от газетных статей, просты и сравнительно легко эксплицируются и интерпретируются.

Представляет интерес описание разновидностей прецедентных текстов, встречающихся в газетной рекламе, ибо они характеризуют не только менталитет и культурный уровень автора-рекламодателя и адресата, но и позволяют судить о культуре (в том числе речевой) общества в целом.

Прецедентные тексты позволяют создать оригинальность, неповторимость рекламного сообщения. Они метафоричны и обладают многими другими выразительными качествами, так как в большинстве принадлежат художественному дискурсу. Они привлекают внимание потенциального потребителя, активизируют его «коммуникативные отношения» с рекламодателем, призывают к посткоммуникативной деятельности, оказывают воздействие на него.

Мы выделяем цитатные и квазицитатные выражения в рекламных текстах.

Цитаты неизменные встречаются в коротких рекламных сообщениях редко, в отличие от рекламных заметок и статей. Это в основном пословицы, поговорки, афоризмы, а также строки из известных песен. Например: «Искать дешевле – терять время!», а также – «Время – деньги» – афоризм, встречающийся часто в разных рекламных объявлениях, в одном случае это девиз рекламы бухгалтерских программ, в другом – рекламы банка. В словаре крылатых слов говорится: «Афоризм Франклина прочно усвоен

---

* Реминисценция понимается нами как след в данном тексте другого (чужого) дискурса.

всякого рода предпринимателями, дельцами, коммерсантами и является девизом их деятельности» [8].

Строки из песен встречаются в рекламе туристических услуг: «Только раз бывает в жизни встреча…»; «Новый год настает, он у самого порога…» – это заголовки объявлений туристических фирм, предлагающих встречу нового, 2000 года за рубежом или в пансионатах России (в основном в Нижегородской области).

Феномен 2000 и 2001 годов, рубеж веков и тысячелетий, послужил основой, экстралингвистическим фоном для многих рекламных объявлений, например: «Миллениум по-русски»; «В новый век с новой техникой»; «В новый век с новым компьютером»; Особенный год – 2000 – особенный вклад» (реклама банка) и даже «Ногти XXI века…». Смена веков и тысячелетий – мотив, позволяющий рекламе «играть» не только словами, но и смыслами: «Не первый век с вами» (реклама компьютеров).

Приведенные выше примеры иллюстрировали явление квазицитации. Следует отметить, что трансформированные цитаты представляют большое разнообразие с точки зрения того, каким изменениям они подверглись. Здесь языковая игра, имеющая место и при использовании неизменных цитат, получает дополнительные формальные показатели.

Наиболее частый вид трансформации – замена одного или нескольких слов цитаты на слова, связанные с содержанием рекламного объявления, представляющие рекламный предмет. Например: «Природой здешней нам дано поставить *УМНОЕ ОКНО*». Это трансформированная цитата из «Медного всадника» А.С. Пушкина: «Природой здешней нам дано в Европу прорубить окно».

Примечательно, что слоганом почти всех объявлений фирмы «Квинтет», занимающейся продажей и установкой пластиковых окон, является фраза «Умные окна». Таким образом, рекламный текст имеет в своей основе два прецедентных текста и интерпретируется так: климатические условия данной местности позволяют (предопределяют) ставить предлагаемые фирмой окна. Объявление осложнено не только семантически, но и семиотически: рекламируемый предмет выделен с помощью особого шрифта и продемонстрирован на фотографии. Таким образом, объявление обладает и оригинальностью, и доказательностью, и изобразительностью.

Сразу два прецедентных текста включает и следующая реклама:

«БАМ

Как много в этом…»

Усеченная цитата из «Евгения Онегина»: «Москва – как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!» – призвана напомнить о другом явлении, много значащем для русского человека – БАМе: Байкало-Амурской магистрали – великой стройке. Таким образом рекламодатель демонстрирует связь с традициями (компания «БАМ»

занимается установкой пластиковых окон) и, одновременно, с предыдущими рекламными текстами, намекая на то, что эта компания хорошо известна: «как много в этом».

Еще один пример трансформации цитаты из Пушкина: «Легка, стройна, полувоздушна!» (реклама центра здоровья). Прецедентный текст: «Блистательна, полувоздушна…» – характеристика балерины Истоминой из романа «Евгений Онегин». В данном случае реминисцентна и форма – 4-стопный ямб.

Следует отметить, что в названных случаях адресат рекламного объявления ощущает присутствие прецедентных текстов, но не всегда может их идентифицировать. Возможно, что только у специалистов в области филологии или любителей литературы возникнут ассоциации с тем или иным произведением Пушкина.

Строки из известных песен – еще один вид прецедентных текстов, используемых в трансформированном виде в основном в заголовках рекламных сообщений: «Дети, в школу снаряжайтесь» (сообщение об открытии школьного базара) – реминисценция из детской песенки: «Дети, в школу собирайтесь…». Здесь так же, как и в большинстве трансформаций, заменено лишь одно слово; к этому же типу можно отнести и трансформированную поговорку «Готовь шубу летом!!!» – «Готовь сани летом (а телегу зимой)».

В качестве прецедентного текста может выступать сказка:

«Народная мебель

Сказанья нашего времени!

По щучьему велению,

по моему хотению,

иди диван домой сам!»

В данном рекламном сообщении ввод «чужого» текста подготавливается фразой «Сказанья нашего времени!».

Новое содержание может опровергать содержание прецедентного текста: «Турбилет на любой вкус и цвет» – «На вкус и цвет товарища нет!».

Прецедентный текст может уточняться, то есть в него могут быть введены новые компоненты: «Учиться всегда нужно и никогда не поздно!» – «Учиться никогда не поздно!».

Кроме ввода новых компонентов в прецедентном тексте могут быть также изменены некоторые слова: «Скромность цен и процессор украшают любой компьютер» – «Скромность украшает человека»; «Погода и новости бывают разными – обувь всегда должна быть хорошей!» – здесь обыгрываются два изречения: «Новости бывают разными» и «Погода бывает разной (изменчивой)».

Тема учебы – одна из особенно популярных в рекламе конца 90-х годов: «Учиться – это хорошо! А хорошо учиться – еще лучше!». Вспоминаются слова из фильма «Кавказская пленница», которые стали

крылатыми: «Жить – хорошо!» – «А хорошо жить – еще лучше!». Эта фраза является прецедентной и по отношению к следующему тексту: «Шить – хорошо!». Кинематограф «подарил» немало устойчивых выражений, которые из повседневной речи проникают и в рекламу, например: «Кушать подано!», а в рекламе мы встречаем трансформацию «Слушать подано» (реклама радио).

Модифицируются в рекламные заголовки (слоганы) и библейские выражения: «Август – время гулять по базарам»; «Время быть здоровым!», в Книге Екклесиаста: «Всему свой час, и время всякому делу под небесами: время родиться и время умирать, время насаждать и время вырывать насажденья, /…/, время разбрасывать камни и время собирать камни, /…/». Интерпретируется так: время совершать определенные действия.

Наряду с библейскими выражениями, в рекламе присутствуют и реминисценции из социалистического прошлого: «Кадры решают все!» (реклама информационно-кадрового агенства); «Октябрьский переворот!», «Революционные цены!» (объявление о понижении цен в октябре на рекламируемые товары); «Миру мир. Народу – отдых» (реклама туристического агентства «МИРУ МИР»); «Лучше отдыхать в мае, чем сажать картошку! Принимаются заявки на участие в массовых маёвках: на Канарах и в Испании …» (турфирма «Миру Мир»).

Названия художественных произведений нередко становятся прецедентными текстами по отношению к рекламе: «Техника в белом» (реклама бытовой техники) – «Женщина в белом» (роман У. Коллинза); «В нескольких шагах от «Давида» Микеланджело» – заголовок рекламного объявления образовательных услуг за рубежом.

Прецедентным по отношению к рекламному тексту может выступать и тост: «Экскурсионно-развлекательный тур «За милых дам!», и другой рекламный текст, например, в рекламе салона «Шубы, полушубки» фраза «Не дай себе замерзнуть!» в качестве прецедента имеет фразу из хорошо известного рекламного ролика напитка «Спрайт» – «Не дай себе засохнуть». Также реклама компьютерных сетей: "Сети. – Не дай себя запутать!".

В качестве прецедентных текстов могут выступать разговорные выражения, как в нетрансформированном, так и в трансформированном виде: «Ремонт *от и до*» (редуцированное выражение «От *а* до *я*»); «Любой каприз за Ваши деньги!»; «Почувствуй себя человеком!»; «Отдохну и буду человеком!» (Ср. название мультфильма «Баранкин, будь человеком!»).

Также в текстах коротких рекламных сообщений можно встретить и жаргонизмы, хотя довольно редко: «Балтика “в натуре”» (реклама натуральных соков производства Латвии). Использование кавычек «говорит» о цитировании, в данном случае – цитата из жаргонной речи. Обыгрывается качество рекламируемого продукта – натуральность, 100-процентность, и метонимически обозначается местность, в которой он произведен: Латвия – «Балтика». Реминисценцией из молодежного сленга можно считать

следующий заголовок: «Раздача слонов от SONY», однако изображение слонов, данное на иллюстрации, является сигналом того, что лексема «слонов» используется не только в переносном, но и в прямом значении. Это, несомненно, привлекает внимание и вызывает положительные эмоции у адресата.

Иногда «цитата» настолько изменяется, что прецедентный текст выявить непросто: «У нас не дешевле – у нас лучше…»; возможно, прецедентным текстом является афоризм: «Лучше дороже, да лучше», или/и «Дешево хорошо не бывает».

В особый разряд выделим явления, характерные для рекламы, которым можно дать условное название «интеллигентские игры» (Е. А.Земская). Это могут быть:

а) тексты на иностранных языках;

б) тексты, ориентированные на иностранные цитаты: «Complete solution» – «комплексное решение» (слоган фирмы, продающей компьютеры);

в) тексты, записанные латиницей, в коротких рекламных сообщениях это в основном названия фирм: UPGRADE \ АПГРЕЙД (фирма, продающая компьютеры); ARTLINE / АРТЛАЙН (фирма, продающая пластиковые окна, название не случайное, семантика слова определяется из двух составляющих: art – искусство, мастерство [9]; line – линия, черта [9]); Металлоторг / Metallotorg.

Реминисценциями можно считать и наименования фирм, поскольку то или иное название вызывает ряд ассоциаций, относящихся к предыдущим текстам, содержит в себе «следы» того, что уже было.

Например, название фирмы, занимающейся продажей и установкой пластиковых окон «Окно в Европу», в основу которого положен афоризм. Истоком данного крылатого выражения послужили строки Пушкина, уже цитированные нами, эти слова оставляют целый шлейф ассоциаций: связь России и Европы, Петербург, Петр I, А. С. Пушкин, а также они называют предмет рекламы, создают рекламный образ, который интерпретируется так: импортные окна, европейское качество и т.п.

В основе названий могут лежать имена персонажей сказок, мифов, легенд и др.: магазин «Старик Хоттабыч» (магазин предлагает различные отделочные материалы и предметы интерьера, примечательно, что слоган рекламных объявлений – «Создайте свою сказку сами»); торговая сеть «Домовой» (слоган «Каждому ДОМУ – по ДОМОВОМУ!», здесь лексема «дом» употребляется сразу в двух значениях: дом как жилище потенциального покупателя и дом как название сети магазинов, относящихся к данной торговой сети).

Очень часто наличие реминисценций никак эксплицитно и однозначно в предложении (или тексте) не маркируется: «… «упоминание», которое накладывается на «употребление» слов, может быть узнано, истолковано на

основании признаков, выявляемых в дискурсе в зависимости от внешних условий» [7], от контекста.

Наиболее трудно эксплицируемой является реминисцентность формы. Прецедентными по отношению к следующей форме рекламы явились стихи 20-х годов XX века, по форме напоминающие рекламные стихи В. В. Маяковского:

Все, кто к труду
нелегкому привык, –
Бухгалтер, продавец и кладовщик!
Мы разрешим твои проблемы
при помощи
компьютерной системы.

Рифма, графическое оформление (рубленый шрифт, черно-красные цвета), иллюстрация вызывают ассоциации со стихами Маяковского.

В качестве прецедентной может выступать и форма пословиц: «Шуба на плечах – зима как лето» или форма заметки. Форма слогана «Через знания – к здоровью» отсылает нас к афоризму «Через тернии – к звездам».

Таким образом, в рекламных текстах выделяются:

1) цитаты нетрансформированные, служащие, скорее, иллюстрацией основного содержания рекламного текста;

2) цитаты трансформированные (или квазицитатные тексты):

а) замена одного или нескольких слов при общем сохранении смысла (замена неключевых слов);

б) замена одного или нескольких слов при совершенно ином смысле прецедентного текста (замена ключевых слов);

в) уточнение содержания прецедентного текста, добавление одного или нескольких слов;

г) редуцирование, усечение цитаты;

д) «упоминание», сохранение лишь отдельных слов прецедентного текста;

е) сохранение лишь формы прецедентного текста.

Примечания

1. Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед// Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С.39.
2. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет// Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г.Винокур. М., 1996.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 220.
4. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин 1991. Т. 1. С.155.
5. Радбиль Т.Б. Прецедентные тексты: «Язык культуры» в речевой деятельности// Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 2. Н.Новгород, 1999. Ч. 3.
6. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
7. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе// Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С.58.

8. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1966. С. 123.
9. Англо-русский и русско-английский словарь (краткий) / Под ред. О.С. Ахмановой, Е.А.М. Уилсон. 2-е изд. М., 1990. С. 40, 300.

О.В. Крамкова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕМИНУТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КРИМИНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Предметом настоящего сообщения являются деминутивы – уменьшительно-ласкательные существительные мужского и женского рода с суффиксами *–ик, -чик, -к, -очк, -ечк*, выражающие уменьшительные, ласкательные, реже – уничижительные значения и функционирующие в текстах криминального содержания. Для анализа были взяты последние романы Ю.В. Бондарева «Бермудский треугольник» (1999), П.Л.Проскурина «Число зверя» (1999) и повести, объединенные под названием «Мужчины белых ночей» (2001). Такой выбор материала был обусловлен, во-первых, современностью написания текстов (это художественные сочинения 1999 – 2000 гг), во-вторых, криминальной тематикой содержания, поскольку оказалась повышенной частотность отрицательных деминутивов и выполняемая ими особая роль в этой литературе. Общий объем материала – около 1000 страниц. Количество словоупотреблений существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами – около 400 единиц. Значительную часть составляют деминутивы, которые выражают негативные оценки, не совпадающие с данными толковых словарей.

Деминутивы представляют собой своеобразную группу образований. Как имена существительные они выражают значение предметности, давая представление о степени уменьшительности предмета. Кроме этого, они сообщают об эмоциональном отношении говорящего к выделенным объектам действительности и\или к собеседнику. Автор монографии, посвященной субъективно-оценочным образованиям русского языка, в том числе и деминутивам, С.Г.Шейдаева обобщает мнение исследователей о том, что «значения размерной оценки и эмоционально-оценочные тесно связаны между собой и генетически, и функционально»[1].

Эмоционально-оценочное значение в уменьшительно-ласкательных существительных определяется лексическим содержанием основы, контекстом, ситуацией речи, субъективно-оценочным отношением участников коммуникативного акта. Анализ теоретической литературы по функционированию деминутивов (Ю.Д. Апресян, Е.А. Земская,

О.Б.Сиротинина и др.) показывает, что основные ситуации, в которых употребляются уменьшительно-ласкательные существительные, сводятся к следующим:

1.Часто используют уменьшительные образования, желая выразить ласковое отношение к собеседнику (а не к тому предмету, который называет уменьшительное слово), например, когда говорят с детьми, или с больными, или рассказывают о детях. Приводятся такие примеры: (мать ребенку): *Что тебе дать молочка\компотика?*, (медсестра о хирургическом шве): *Разрезик ровненький\быстро заживает\Какой шовик аккуратненький!*

2. Уменьшительные существительные нередко употребляются, когда разговаривают с животными или речь идет о животных: (двое гуляют зимой): *Вон какие снегирьки\краснопузики\Смотри сколько их! Большая стайка!*

3. Употребляются уменьшительные производные в ситуации покупки (магазин, столовая, кафе, кинотеатр и т.п.): (в магазине): *Два сырочка плавленных; Секундочку\ сейчас я его позову.*

4. Экспрессивные производные используются в целях отрицательной оценки (ироничной, циничной, презрительной), которая может быть направлена как на самого говорящего (самоирония, жаление не выглядеть смешно, боязнь показаться хвастуном и т.п.), так и на собеседника и его сферу [2].

В первых трех ситуациях отношения между участниками коммуникативного акта характеризуются рамками доброжелательности. В отношении отрицательных оценок ситуации четко не определены. В данной работе рассматриваются криминальные ситуации – грабеж, вымогательство и шантаж, в которых реализуются отрицательные значения деминутивов. Чаще употребляются существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами в положительных контекстах, поэтому использование ласкательных деминутивов в отрицательных контекстах обладает огромным экспрессивным эффектом.

Цель данной статьи – показать функционирование деминутивов в отрицательных контекстах, то есть использование ласкательных форм для выражения отрицательной, негативной окраски.

Иронические высказывания с уменьшительно-ласкательными существительными употреблялись давно. Так, В.В.Виноградов обратил внимание на ироническую окраску в ласкательных формах в речи следователя Свидригайлова из «Преступления и наказания» Ф.М.Достоевского: «уменьшительные формы создают язвительно-насмешливый тон речи под маской «дружественного участия», например, «я знаю, он моя *жертвочка*…»; «говорит, а у самого *зубки* во рту один о другой колотятся…»; «*Губка-то*, как и тогда, вздрагивает», - пробормотал как бы даже с участием Порфирий Петрович»[3].

В настоящее время в современных художественных и публицистических текстах и разговорной речи диапазон отрицательных оценок деминутивов значительно расширился.

В данной работе деминутивы рассматриваются в коммуникативно-прагматическом аспекте. Необходимость рассмотрения деминутивов в таком аспекте обусловлена тем, что «будучи прямо связаны с говорящим субъектом и отражая его вкусы и интересы, они (оценочные слова. – О.К.) в то же время регулярно употребляются в высказываниях, соответствующих ситуации выбора (принятия решения) и побуждения к действию» [4]. Наиболее показательные функции отрицательных деминутивов в конкретных ситуациях мы рассмотрим на следующих примерах.

В романе П.Л. Проскурина «Число зверя» описывается сцена кражи драгоценностей у народной артистки Зыбкиной Евдокии Савельевны. В речи вора в обозначении предметов роскоши, объекта кражи, употребляются деминутивы.

(1) - Только вот ***шубку****, тетушка Евдокия, давай сними. И смотри, матушка, не подведи, оставим это дело между нами, зачем другим-то знать? (2)-Обручальное можно, - милостиво разрешил он. – А вот* ***брошечку*** *с тридцатью девятью* ***бриллиантиками*** *и* ***изумрудиком*** *прошу приобщить к делу... прошу...* [5].

Дефиниционный анализ деминутивов показывает, что в словарях не зафиксированы слова *изумрудик, брошечка*. В Большом академическом словаре есть словарная статья деминутива *шубка*, который в первом значении определяется как: 1 Разг.Уменьшительно-ласкательное к шуба (в 1-ом знач.) Обычно о женской, детской шубе. 2. Небольшая шуба (во 2-ом знач.), шкура животного. Словарь Ушакова определяет лексему шубка как «уменьшительное к шуба (преимущ. о женской); короткая и легкая шуба». Большой академический словарь определяет слово бриллиантик и брильянтик как «уменьшительное» к бриллиант и приводит в качестве иллюстрации цитату из романа «Идиот» Ф.М.Достоевского, в которой деминутив реализует размерное значение - значение уменьшительности.

Деминутивы *шубка, брошечка, бриллиантики, изумрудик* в рассматриваемом контексте выражают эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемым предметам. Если для жертвы, народной артистки, предмет кражи вызывает чувство горечи от расставания со своими подарками, полученными за выдающиеся заслуги и талант, то вор испытывает радость от предстоящего обладания драгоценностями, представляющими большую материальную ценность. Помимо этого, говорящий выражает фамильярное, дружественное отношение к хозяйке драгоценностей, народной артистке. Это видно из обращений *тетушка, матушка,* а также ласкательных деминутивов. Но эта ласкательность и дружеское участие в данной ситуации маскирует презрительное отношение вора к жертве. Он такими средствами издевается над певицей и унижает ее

человеческое достоинство. Таким образом, положительные значения уменьшительно-ласкательных суффиксов в данной речевой ситуации меняют знак своей оценки и становятся носителями отрицательной оценочности.

В повести П.Л. Проскурина «Свадьба с приданым» есть такой эпизод: два бомжа выслеживают мужчину средних лет, в доме которого готовится свадьба, с целью вымогательства продуктов, напитков, кушаний. Угрожают расправой над собакой породы пудель, называя его ласково (это ложный ласковый тон) «пуделек», «милый песик», «Бомчик».1)*И суждено ли тебе вновь увидеться со своим любимым* ***пудельком*** *Бомчиком?; 2)Сегодня Бомчик был, а завтра милого* ***песика*** *может и не стать, ты с ним, господин хороший, часто здесь по вечерам в кустиках прогуливаешься...; 3)Помни,* ***пуделек*** *Бомчик благородное животное. Утверждают, что плоть сей животины весьма полезна от чахотки, а мой любимый товарищ весьма и весьма истерзан проклятым недугом; 4)Наш благодетель умный человек, у него же любимый* ***пуделек*** *Бомчик есть – их друг с другом водой не разлить* [6].

Говорящий издевается над жертвой, пугает его угрозами расправы над животным, используя положительные обращения – *господин хороший, благодетель, умный человек* и ласкательные деминутивы *пуделек, песик,* а также деминутив имени собственного *Бомчик.* О собаке бомж говорит *благородное животное.* Ласковый тон скрывает имлицитный смысл угрозы расправы над пуделем. Отношение говорящего к адресату, предмету сообщения на самом деле – насмешливое и презрительное. Бомж испытывает чувство радости от власти над взрослым, благополучным человеком. Прагматическая установка, или намерение говорящего – оскорбить, запугать, и добиться своей цели (продукты, напитки). Под прагматической установкой мы понимаем «материализованное в тексте конкретное намерение адресанта оказать соответствующее воздействие на адресата»[7]. Таким образом, внешняя положительная оценочность скрывает презрительное отношение представителя социального дна к нормальному члену общества. И угрозой, скрытой под маской благожелательности, приближает говорящего к цели.

В романе Ю. Бондарева «Бермудский треугольник» главный герой Андрей, наследник архива и мастерской своего деда, известного художника, подвергается угрозам: *–Интересуемся, какую еще статеечку интересную сочиним? Третью годовщину все газетки отметили, но вы ярко, очень смело... Мы – читатели ваши. Про гестапо еще хотим прочитать, про зверства. Разрешите ждать в печати? В какой газетке? А? В «России»? Или – в «Независимой»?* [8].

Лексема *статеечка* в Большом академическом словаре определяется как «уменьшительно-ласкательное к *статейка*» с пометой «разг.», а слово *газетка* как «уменьшительное» и «ласкательное» к лексеме *газета также с пометой «разг.».* Деминутивы *статеечка* и *газетка* выражают ласковое отношение говорящего к обозначаемому предмету (статье и газете), однако

это эксплицитный смысл. Говорящий преследует цель запугивания и оскорбления адресата. Ласкательные деминутивы *статеечка и газетка* создают ложную атмосферу фамильярности и дружественного участия. Смысловое содержание высказывания со словом *статеечка* – вопрос, написана ли статья; со словом газетка – вопрос, в какой газете; прагматическая установка – запугать адресата. Далее следуют оскорбления и прямые угрозы.

В следующем примере роль преступника выполняет представитель закона – сотрудник ОМОНа. Это особенность современного криминогенного общества, в котором силовые структуры зачастую становятся карательными органами. Роман Ю. Бондарева «Бермудский треугольник» описывает события октября 1993 года, получившее название «расстрел Белого дома». Речь капитана милиции изобилует субнейтральной лексикой, бранными словами. Создает экспрессию наличие ласкательного деминутива *головка* и ласкательных интонаций. *Капитан медля провел пухлой ладонью по начесу «взаймы», положил чугунные локти на стол и с задумчивой ленцой, чувствительно поинтересовался: - Тяжело головке? Пьян вдрабадан? Налакался? Что так осмелел? - Я непьющий! – крикнул депутат. – вы не имеете права!...- Кустенко! –позвал капитан и пошевелил мощными плечами. – Внуши-ка гороховому депутату уважение к милиции. Вломи ему как следует!* [9].

В данном фрагменте употребляется уменьшительно-ласкательное существительное *головка,* которое Словарь Ушакова определяет как «ласкат. к *голова*», а Большой академический словарь как «уменьшительное и ласкательное к *голова* (по 1-му значению «верхняя часть тела человека…»).

Здесь воссоздается ситуация участливого тона говорящего к самочувствию больного адресата. Но дальнейший контекст низводит положительное эмоционально-оценочное отношение говорящего до презрительного и циничного. Смысловое содержание предложения *«Тяжело головке?»* являет собой вопрос о самочувствии, то есть эксплицитный смысл деминутива *головка* положительный. Однако, статусы говорящего и слушающего свидетельствуют об отношениях неравенства между ними, поскольку адресант – представитель ОМОНа, капитан милиции - арестовал адресата – депутата Верховного Совета – и собирается подвергнуть дальнейшему насилию. Ему нужно доказать, что непьющий депутат был пьян, и он добивается таких признаний силовыми методами. Отсюда следует ложность положительного участливого тона говорящего, то есть проявляется имплицитный смысл деминутива – его негативная окраска. Контраст положительного тона и отрицательного действия усугубляет неопределенность антагонизма между коммуникантами, поскольку явными врагами они не являются. Роль преступника выполняет представитель закона, он вершит судьбой человека. Капитан испытывает возвеличивающее себя чувство радости от своей власти над депутатом, человеком, избранным

народом. Таким образом, капитан милиции унижает человеческое достоинство депутата.

Окружением деминутива являются арготические слова – *вдрабадан* в значении «сильно», употребляется преимущественно в словосочетании «пьяный вдрабадан»; *налакаться* - в значении «напиться допьяна»; *вломить* - в значении «ударить, избить кого-либо». Интересно, что слово *вломить* «Словарь русского арго» под редакцией В.С.Елистратова толкуется как многозначное:1) ударить, избить кого-либо; 2) дать срок заключения; 3) сделать что-либо резко, быстро, интенсивно. В данном контексте реализуется первое значение. Необходимо отметить, что в академических словарях, а также в словарях Ушакова и Ожегова данное слово не зафиксировано. Капитан милиции наносит оскорбление, называя депутата «гороховым». Это окказиональное употребление слова гороховый, по аналогии «шут гороховый».

В лингвистической науке сложилось мнение, что несоответствие слова контексту порождает иронию. Действительно, ирония – «троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле, обратном буквальному с целью насмешки» [10].

Можно ли утверждать об иронической оценке в данном контекста, употреблении положительного деминутива в отрицательном значении? Думается, что можно говорить о циничной оценке, поскольку отрицательное действие - избиение человека – свидетельствует о пренебрежительном отношении к нормам человеческой морали и ценностям. Цинизм, согласно толковому словарю Ожегова, - пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство.

Сделаем некоторые выводы: 1) Деминутив *головка* в данной ситуации приобрел эксплицитный смысл положительной оценочности. 2) Отрицательная (циничная) оценочность выражена имлицитно. 3) Цель говорящего –унижение человеческого достоинства собеседника с использованием ласкательного деминутива *головка* и сочувствующего вопроса о здоровье.

Анализ фактического материала показывает, что в криминальных ситуациях – грабежа, вымогательства – функционируют субъективно-оценочные существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, создающие внешне ласковый доброжелательный тон для осуществления сугубо отрицательных намерений говорящего (насмешка, издевка, унижение, угроза). Таким образом, деминутивы в криминальной литературе приобретают целую гамму отрицательных значений. Становится типичным фактом использование ласкательных деминутивов для выражения презрения и унижения человека, вплоть до физической угрозы. Уменьшительно-ласкательные положительные суффиксы в речи приобретают совершенно противоположные характеристики. Подтекст – общеотрицательный, а степень негативной оценочности различна в конкретных случаях.

Ролевые и личностные отношения преступника и жертвы эксплицитно характеризуются рамками участия, близости, доверительности, именно такой ракурс отношений имеет огромный эффект воздействия прежде всего на слушающего, то есть собеседника - жертву, и на читателя. Таким образом, деминутивы имеют не только иллокутивную силу, то есть участвуют в высказываниях, выражающих просьбу, требование, приказ, но и имеют перлокутивный эффект, то есть целенаправленный эффект воздействия на воспринимающих речь.

Примечания

1. Шейдаева С.Г. Категория субъективной оценки в русском языке. Автореф. дис. … докт. фил. наук. Н.Новгород, 1998. С.23.
2. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев В.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Семантика. М., 1981. С. 112-113.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов/ Отв. ред. Г.А.Золотова. М., 1986. С.101.
4. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С.13-14.
5. Проскурин П.Л. Число зверя: Роман. Часть 1// Роман-газета. Народный журнал, 1999. №1. С.56.
6. Проскурин П.Л. Мужчины белых ночей: Повести// Роман-газета. Народный журнал, 2001. №1. С.48-49.
7. Наер В.Л. Прагматика текста// Прагматика и стилистика. М., 1985. С.5.
8. Бондарев Ю.В. Бермудский треугольник: Роман// Роман-газета. Народный журнал, 2000. №3. С.96.
9. Бондарев Ю.В. Там же. С.4.
10. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М, 1976.

О.А. Кузнецова, Т.Н. Синеокова

КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ РАЗНОВИДНОСТЯМИ ПОВТОРОВ И ОСОБЕННОСТЯМИ ИХ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ В ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ РЕЧИ

(на материале русского и английского языков)

Повтор является самой употребительной формой манифестации эмоционального значения в разговорной речи. В сплошной выборке материала из более чем 50 пьес современных англо- и русскоязычных драматургов (идентификация высказывания как эмоционального производилась на основе авторских ремарок) более 30% примеров приходится на высказывания с повторами. Можно предположить, что в

обоих языках повтор является наиболее распространенной структурной модификацией в эмоциональной речи.

В настоящей статье предпринята попытка создать классификацию разновидностей повторов с целью применения ее в дальнейшем как элемента общего анализа эмоциональной речи, например, для идентификации психологического состояния говорящего по структурно-семантическим особенностям его высказывания.

В основу классификации были положены три группы наиболее значимых признаков повторов: их дистрибутивные, компонентные и лексические характеристики [1].

Дистрибутивные характеристики отражают взаимное расположение элементов повтора и определяются, с одной стороны, тем, элементы какого высказывания - самого говорящего или его собеседника - подвергаются повторной реализации (экстериорные/интериорные повторы) и, с другой стороны, расположением повторяемых элементов относительно друг друга (контактные/дистантные повторы). Иллюстрацией экстериорных повторов могут служить следующие примеры.

(1) Miriam: I've got some chocolate biscuits today! Are you ready for them, Daddy?
Alec (delighted like a child): Chocolate biscuits! (O'Neill)

(2) Шлындин. Хуже.
Банкир (со страхом). Хуже? (Седов)

Иллюстрацией интериорных повторов могут служить следующие примеры.

(3) Man (terrified…) I'm frightened. Ja, I'm frightened. (Fugard)

(4) Пьер. (Вновь ухватив Анатоля). Когда я говорю, что мне надо говорить с вами… Когда я говорю… Когда я говорю… (Булгаков)

К контактным повторам могут быть отнесены следующие случаи: непосредственные нерасчлененные повторы элементов в рамках высказывания одного говорящего (1); расчлененный репликами собеседника повтор элементов собственного высказывания, когда говорящий не реагирует на реплики собеседника и его речь фактически представляет собой непрерывную цепь (2); непосредственное повторение элементов высказывания собеседника в начальной позиции, при этом местонахождение исходного элемента - его начальная, срединная или конечная позиция в речи собеседника - не имеет значения (3):

(1) Кутузов (встав). Вы видели? Вы видели? Как вы… Как смеете вы, милостивый государь, говорить мне это мне? (Булгаков)

(2) Nick (ibid) Jesus Christ, I think I understand this.
George (ibid) Good for you, buster.
Nick (violently) JESUS CHRIST I THINK I UNDERSTAND THIS! (Woolf)

(3) Аркадина. Чего ради? Зачем?

(4) Тригорин (отшатывается от нее, истерически кричит). Зачем? Зачем? Я знаю зачем! (Акунин)

К дистантным реализациям повторов могут быть отнесены следующие случаи: расчлененные другими элементами повторения фрагментов собственного высказывания (1) и повторение элементов высказывания собеседника, предваряемое собственными фрагментами высказывания (2):

(1) Serafina (in a fierce whisper): I will go back in the house and smash the urn with the ashes - if you don't tell me! I will go mad with the doubt in my heart and I shall smash the urn and scatter the ashes - of my husband's body. (William)

(2) Martha. Be still !

Karen (with violence). No, no. You don't want her still now. What else did you hear? (Hellman)

Анализ материала показывает, что оппозиции четырех дистрибутивных признаков "экстериорность/интериорность" и "контактность/дистантность" реализуются совместно. Так как очевидно, что не все из шестнадцати гипотетически возможных сочетаний имеют реальный "физический" смысл, в качестве первичных признаков приняты только реально существующие сочетания D1- экстериорные контактные повторы, D2- экстериорные дистантные повторы, D3 - интериорные контактные повторы и D4 - интериорные дистантные повторы.

Компонентные характеристики повторов определяются степенью представленности в них материальных элементов исходного высказывания. Повторы могут подразделяться на равнообъемные, характеризующиеся сохранением всех строевых элементов (1); суженные, характеризующиеся элиминированием каких-либо членов (2); расширенные, характеризующиеся введением новых элементов (3):

(1) Willy: Are you spiting me?

Bill: Don't take it that way! Goddammit!

Willy, strikes Biff and falters away from the table: You rotten louse! Are you spiting me? (Miller)

(2) Жимановский. Меня не надо бояться. Меня не надо стесняться. Мне можно доверять. (С огромным пафосом.)

Бороденко (как под гипнозом). Можно доверять. (Седов)

(3) Michael (fervently): Oh, how thrue, how thrue that is! (O'Casey)

Равнообъемные повторы отнесены к группе первичных признаков К1, суженные - к группе первичных признаков К2, расширенные - к группе первичных признаков К3.

В соответствии с *лексическим наполнением* повторы могут подразделяться на полные и вариативные. Полные повторы предполагают дублирование одних и тех же слов, словосочетаний и предложений:

Beatie (jumping down joyously...) He's here, he's here! (Wesker)

Вариативные повторы характеризуются следующими изменениями в лексическом составе: заменой исходных лексических единиц на синонимичные, словарные и контекстуальные (1), введением в повторяемую

реплику новых элементов, интенсифицирующих значение высказывания (2), субституцией какого-либо элемента повторяемого высказывания (3)

(1) Stephen (savagely). Speak! Tell me! (Anderson)

(2) 2 член совета. Нет чтобы все заедино.

5 член совета. Вот именно! Все заедино! Все-все заедино! (Хмельницкий)

(3) Mrs. Antrobus. The war's over!! I don't believe you. I can't believe you (Wilder)

Полные повторы отнесены к группе первичных признаков L1, вариативные - к группе первичных признаков L2 .

Исходя из трех групп выделенных характеристик повторов и их первичных признаков были образованы 24 обобщенные таксонометрические классификационные единицы (ОТЕ) ТТ1..ТТ24 [2].

Правило комбинирования первичных признаков и их нумерации в таксонометрические единицы ТТ1..ТТ24 иллюстрируется рис.1.

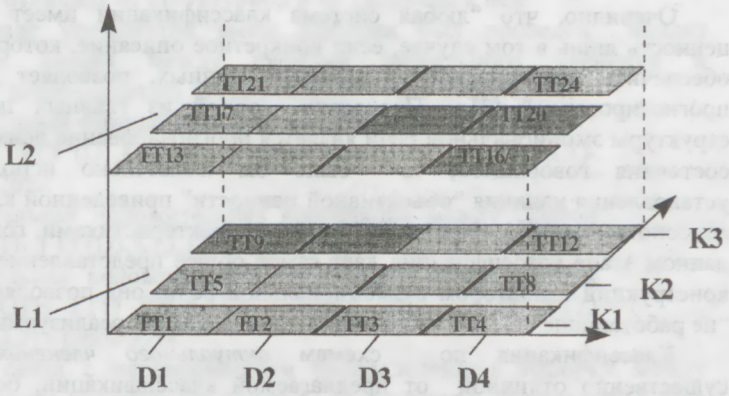

Рис.1 Порядок нумерации ОТЕ. "Не работающие" ОТЕ затенены.

Критерии выбора первичных признаков и примененные правила их комбинирования гарантируют, что полученная классификационная таблица таксонометрических единиц является в отношении высказываний с повторами ПОЛНОЙ и ОРТОГОНАЛЬНОЙ, т.е. любое такое высказывание попадает в одну и только в одну ячейку классификационной таблицы. Этот вывод подтверждается непосредственным анализом случайной выборки высказываний с повтором. Одновременно было установлено, что из 24 ОТЕ реально используются в эмоциональной речи только 19; сочетания первичных признаков, соответствующих ОТЕ ТТ**9** (D1K3L1), ТТ**10** (D2K3L1), ТТ**16** (D4K1L2), ТТ**19** (D3K2L2) и ТТ**20** (D4K2L2) не встречаются. Степень полноты и ортогональность любой классификации являются ее важнейшими характеристиками, и в этом отношении предложенная структурная классификация не вызывает никаких сомнений. Однако большое число

классификационных групп (19) желательно уменьшить, что может потребовать укрупнения ОТЕ, даже ценой потери ортогональности.

Частотное распределение материала по ОТЕ также представляет интерес. Оно приведено в таблице 1 в порядке уменьшения частотности использования ОТЕ.

Таблица 1.

Частотные характеристики ТМЕ

частотность %	15…10	10..5	5..1	< 1	0
количество **ТМЕ**	4	3	11	1	5
NN **ТМЕ**	1,3,4,5	7,13,22	2,6,8,11,12 14,15,18,21 , 23,24	17	9.10,16, 19,20

Очевидно, что “любая система классификации имеет объективную ценность лишь в том случае, если конкретное описание, которое она может обеспечить на основании имеющихся данных, позволяет осуществлять прогнозирование” [3]. Поскольку одной из главных целей анализа структуры эмоциональной речи является прогнозирование психологического состояния говорящего, то было бы желательно использовать для установления наличия “объективной ценности” приведенной классификации ее сопоставление с психологическими характеристиками говорящего. На данном этапе классификация дает самое общее представление о специфике конструкций с повтором в эмоциональной речи: она позволяет определить “не работающие” ОТЕ и частотность использования реализуемых ОТЕ.

Классификация по схемам *актуального членения* является существенно отличной от предлагаемой классификации, более общей и универсальной. Особенности тема-рематической организации высказывания в известной мере связаны с психологическими характеристиками говорящего. Сопоставление этих двух классификаций способно выявить то, что классификация модификаций повтора действительно отображает существенные особенности эмоциональной речи и, следовательно, имеет “объективную ценность”.

Актуальное членение отражает последовательность элементов коммуникативной структуры предложения. Считается, что для нейтрального предложения характерна схема T-R. Изменение этой схемы придает высказыванию “взволнованную окраску” [4], хотя, как известно, эмоциональная окраска может быть достигнута и без изменения схемы членения [5].

В эмоциональных высказываниях с повторами возможны все четыре комбинации сочетаний темы и ремы: R-R (далее А1, пример 1), T-T (далее А2, пример 2), R-T (далее А3, пример 3), T-R (далее А4, пример 4).

(1) Патриот (победно поднимая “Пушкина” над головой). Не отдадим им Пушкина! Не отдадим! (Битов)

(2) Нина (опустив голову). Нет, знала… Я готова была на то, чтобы… Чтобы (едва слышно) отдаться Косте… (Акунин)

(3) Andy: Today, Jessie, I know, I know. I know everything I want to do with my life. (Wanders around in a trance) (Wesker)

(4) George (Toasting him) No, baby… you almost think you're serious, and it scares the hell out of you.

Nick (exploding in disbelief) ME! (Woolf)

Таким образом, схемы актуального членения повтора можно также рассматривать как группу его классификационных признаков. Группа эта, однако, отличается от описанных выше классификационных групп тем, что идентификация признаков требует смыслового анализа всего высказывания, а иногда и фрагмента текста. Поэтому в настоящей работе классификация по схемам актуального членения рассматривается как самостоятельная классификация, отличная от структурной и не сводимая к ней.

На материале упомянутой выше выборки был проведен анализ корреляционных связей между схемами актуального членения и "работающими" девятнадцатью ОТЕ. Было отмечено следующее:

- значительная отрицательная корреляция между схемой A1 и ОТЕ TT3 (D1,K1,L1) - минус 36% и TT2 (D2,K1,L1)- минус 26%;
- значительная положительная корреляция между схемой A2 и ОТЕ TT3 (D3,K1,L1) - плюс 68%;
- значительная положительная корреляция между схемой A3 и ОТЕ TT17 (D1,K2,L2) - плюс 39% и ОТЕ TT22 (D1,K2,L2) - плюс 57%.

Однако в связи с неравномерным распределением выборки между схемами актуального членения (на схему A1 приходится 83% примеров), этот анализ по схемам A2 (7%) и особенно A3 (4%) и A4 (6%) проводился на слишком малом материале и не может считаться достоверным. Поэтому был проведен анализ связей схем актуального членения с укрупненными группами - отдельно по первичным признакам каждой из групп D, K и L. Результаты приведены в таблицах 2, 3 и 4. В таблицах, наряду с коэффициентом корреляции, для каждой ячейки приведен также специальный ассоциативный коэффициент Q, который в случае малого числа групп дает более наглядное представление о связи между двумя группами примеров, определяющих состав ячейки. Определение параметра и пояснения даны на рис.2.

$$Q=Nab/(Na*Nb)^{1/2}$$

группы A и B идентичны Q = +1

группы A и B полностью различны Q = 0

Рис.2 К определению ассоциативного параметра Q

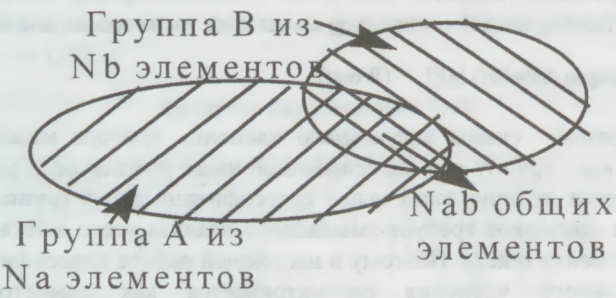

Таблица 2.

Корреляция между схемами членения и дистрибутивными признаками.

	Признак	D1	D2	D3	D4
Схема	ND / NA	36%	14%	33%	17%
A1	83	-0.06 / 0.53	+0.08 / 0.37	-0.17 / 0. 47	+0.21 / 0.45
A2	7	-0.21 / 0.00	-0.11 / 0.00	+0.40 / 0.47	-0.13 / 0.00
A3	4	+0.14 / 0.23	+0.12 / 0.18	-0.15 / 0.00	-0.10 / 0.00
A4	6	+0.20 / 0.30	-0.10 / 0.00	-0.04 / 0.10	-0.11 / 0.00

Обозначения:

A1..A4 - типы схем актуального членения.

NA - общее число примеров в выборке с соответствующей схемой актуального членения (в % от общего числа примеров).

D1..D4 - первичные структурные признаки дистрибутивной группы.

ND - общее число примеров в выборке с соответствующим первичным признаком (в % от общего числа примеров).

[+0.20 / 0.30] - первое число - коэффициент корреляции, второе число - специальный ассоциативный коэффициент Q.

Таблица 3.

Корреляция между схемами членения и компонентными признаками

Схема АЧ \ Признак NK / NA		K1	K2	K3
		51%	33%	16%
A1	83%	-0.06 / 0.63	0.00 / 0.52	+0.09 / 0. 40
A2	7%	+0.27 / 0.37	-0.19 / 0.00	-0.12 / 0.00
A3	4%	-0.22 / 0.00	+0.15 / 0.24	+0.10 / 0.17
A4	6%	-0.01 / 0.17	-0.09 / 0.21	-0.11 / 0.00

Таблица 4.

Корреляция между схемами членения и лексическими признаками

Схема АЧ \ Признак NK / NA		L1	L2
		74%	26%
A1	83%	-0.01 / 0.78	+.0.01 / 0.46
A2	7%	+0.16 / 0.31	0.00 / 0.00
A3	4%	-0.20 / 0.08	+0.20 / 0.27
A4	6%	0.00 / 0.21	0.00 / 0.12

В таблицах 3 и 4 применены те же обозначения, что и в таблице 2, за исключением соответствующей замены символов признаков с “D” на “K” и “L”.

Анализ таблицы 2 показывает следующее:

- при схеме членения A1 функционируют все виды дистрибутивных повторов, и корреляции между ними нет;

- при схеме членения A2 функционирует дистрибутивный повтор только одного типа D3, корреляция с ним положительная (+40%) и очень сильная (то, что корреляция не составляет 100%, объясняется тем, что признак D3 используется также в схеме A4; в этом смысле параметр Q нагляднее);

- при схеме A4 преимущественно функционирует дистрибутивный повтор D1, но вследствие малого количества примеров в выборке, относящихся к этой схеме, вряд ли можно придавать этому большое значение. То же относится к схеме A3: она представлена в выборке слишком малым числом примеров, чтобы наметившееся слабое тяготение к признакам D1 и D2 можно было считать достоверным.

Анализ таблицы 3 показывает, что при схеме членения A2 используется преимущественно признак K1. Других связей таблица либо не обнаруживает, либо они выражены достаточно слабо.

Анализ таблицы 4 показывает, что схема членения A2 явно тяготеет к признаку L1, а схема членения A3, по-видимому, к признаку L2.

Все эти выводы становятся понятными при анализе языкового материала. Рамки статьи, однако, не позволяют привести достаточно обширные описания анализа конкретных примеров.

Таким образом, несмотря на то, что объем выборки в некоторых случаях недостаточен для чисто статистического подтверждения выявления корреляционных связей между двумя системами классификаций, такие связи несомненно имеются. С другой стороны, анализ показал, что эти классификации значительно различаются и, следовательно, могут отображать разные аспекты эмоциональной речи. Учитывая, что и та, и другая классификации допускают четкое формальное выделение классификационных признаков, можно ожидать, что на их основе (и, разумеется, с привлечением анализа других структурных модификаций высказываний) можно разработать интегральную классификацию эмоциональной речи, способную решить более общую задачу - например, идентификацию психологического состояния говорящего по формальным признакам его высказываний.

Примечания

1. О других дифференциальных признаках повтора (семантической ценности, коммуникативной значимости и количественных характеристиках) см.: Синеокова Т.Н. Экспликационная специфика английских коллоквиальных конструкций, реализуемых в состоянии аффекта. Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. Горький, 1989. С. 86-88.
2. Об обобщенных таксонометрических классификационных единицах см.: Бейли Н. Математика в медицине и биологии. М., 1970.
3. Бейли Н. Там же. С. 154.
4. Матезиус В. Язык и стиль// Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 497.
5. Обзор существующих точек зрения на особенности актуального членения предложения в эмоциональной речи см.: Синеокова Т.Н. Указ. соч. С.42-45.

С.В. Лазаревич

АССОЦИАТИВНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ АББРЕВИАТУР (на материале русского военного жаргона)

Одним из источников пополнения вокабуляра социальных диалектов является ассоциативное развертывание аббревиатур. В пределах данной статьи делается попытка рассмотреть некоторые аспекты этого явления и дать его терминологическое обозначение. Значительную активность описываемый процесс обнаруживает в русском военном жаргоне, поэтому в

качестве иллюстративного материала мы используем примеры именно этого социолекта. Нами выявлено более 50 военных жаргонизмов такого типа.

О влиянии ассоциативного фактора в словотворчестве писал Ш. Балли: «Несомненно, что человек постоянно стремится ассоциировать в уме слова или, говоря вообще, семантически значимые элементы языка, представляющие большее или меньшее формальное средство, причем отправным пунктом и толчком для этих ассоциаций является именно форма» [1]. Речь идет об образованиях типа *аннушка* (от АН), *щука* (от Щ-1 – подводная лодка), *папаша* (от ППШ – автомат) и др. Отмечая особенности подобных процессов, М. В. Голомидова пишет: «Из фрагментов звукового или графического облика имени составляются слова, внешне совпадающие с известными лексическими единицами». Своеобразным «провокатором» при этом служит звуковая оболочка аббревиатуры. Совпадение может быть случайным, объясняемым только звуковыми ассоциациями: *арочка (*от АР – самолет Архангельского); *газон* (от ГАЗ – Горьковский автомобильный завод); *бык* (от БК – боекомплект); *папаша* (от ППШ – автомат); *мосол* (от МС – младший сержант); *амбар, амбарчик* (от МБР-2 – самолет); *сухарь* (от СУ – марка самолета фирмы Сухого). Созвучие возникает при этом часто за счет вставки гласных звуков. Иногда жаргонизмы такого типа возникают в результате действия продуктивного процесса создания отаббревиатурных образований с помощью интерфикса Ш и суффикса К: *тушка* (от ТУ – самолет Туполева); *пешка (*от ПЕ – самолет Петлякова*); сушка* – (от СУ – самолет фирмы Сухого); *яшка* – (от ЯК – самолет фирмы Яковлева). Ср. также: *итушка, исушка, бээмпэшка* и т. д. Суффиксальное образование как бы случайно приводит к возникновению слов, омонимичных словам литературного языка. Однако, помимо случайного звукового совпадения, здесь, несомненно, действуют и такие факторы, как фонетическая ассоциация и эмотивация.

– Я подбежал к «пешкам» (так называли в войну самолеты ПЕ-2) и обрадовался: ни одна машина во время полета не пострадала.

Иногда этот процесс сопровождается метафорическими ассоциациями и, возможно, народноэтимологическим переосмыслением внутренней формы слова за счет его внешнего сходства с существующими в языке словами. Рассмотрим образование лексемы *ишак* от аббревиатуры И (марка самолета-истребителя). В качестве сравниваемых единиц привлекаются не пары «аббревиатура – результативная единица» (т. е. не *и – ишак*), а пара «родовое слово исходной единицы – результативная единица» (т. е. самолет – ишак). Обнаруживаются общие семы; в данном случае это сема «трудолюбивый», «много работает». Налицо семантическое сближение на основе общности функций. От обычной метафоры этот процесс отличается тем, что в нем обязательным моментом является наличие общего материального компонента у сближаемых слов. Семантическое переосмысление при этом опирается как на сходство функций, так и на внешнее сходство предметов:

щука – подводная лодка типа Щ (похожа на щуку и плавает); *малютка* – подводная лодка типа М (имела малые размеры); *мошка* – противолодочный катер малых размеров (типа «Малый охотник» – МО); *утка, уточка* – самолет У-2 (с крыльями и летает).

Помимо внешнего сходства или сходства функций, несомненно действие такого фактора, как эмотивная коннотация жаргонизмов подобного типа. Об этом свидетельствуют высказывания военнослужащих. Так, маршал А.В. Головко вспоминает: «*Сегодня один из наблюдательных постов доложил, что две пары МБР-2, или «амбарчиков», как их называют с ласковой насмешливостью за неуклюжий вид, производили поиск подводных лодок противника у входа в Кольский залив».* Герой Советского Союза В. Цупко пишет в своих воспоминаниях: «*Красноармейцы в окопах встречали появление двухсотых «петляковых», кричали «ура», а самолеты стали ласково называть «пешками»* [2].

Потребность в выражении эмоционального отношения к объекту обусловила возникновение образований подобного типа на базе собственных имен. В военном жаргоне многие собственные имена служат названиями военной техники, причем опираются они на инициальные обозначения этой техники. Это, как правило, имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что усиливает их положительную эмотивную коннотацию: *аннушка* (от АН – самолет АН); *антоша* (от АНТ – самолет фирмы АНТ – Андрей Николаевич Туполев); *андрюша* от АН (самолет АН – фирмы Антонова); *илюша* от ИЛ (самолет ИЛ – фирмы Ильюшина); *капеша, капитоша* от КП (Кронштадтский порт); *катюша* (от К – подводная лодка типа К); *лидочка* (от ЛИ – самолет ЛИ-2); *мишка* – (от МИ – самолет МИ-26).

Иногда суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением отсутствуют: *акулина* (от АК – автомат Калашникова); *дуня* (от Д-2 – подводная лодка); *ольга – федор* (от ОФ – осколочно-фугасная бомба); *федя* (от ФД – паровоз серии «Феликс Дзержинский»); или употребляется суффикс К, создающий возможность негативной коннотации (ср: *юрка* – немецкий бомбардировщик Ю-87). Но чаще жаргонизмы с этим суффиксом имеют оттенок фамильярности и, возможно, шутливости: *фенька* – граната Ф-1; *яшка* – самолет ЯК (фирмы Яковлева). Иногда подобного рода ассоциации приводят к образованию собственных имен в виде имени и отчества *борис петрович* (от БП – бронепоезд); *раиса семеновна* (от РС – реактивный снаряд); *капитон петрович* (от КП – Кронштадтский порт).

– *Многие здания, железнодорожные сооружения оказались разрушенными, но «борис петрович» остался цел и невредим.*[3].

– *Этот бронепоезд бойцы называли уважительно и ласково «борис петрович». Думаю, что это название произошло от начальных букв слова «бронепоезд» – БП* [3].

Имеются свидетельства, что в других воинских соединениях аббревиатура БП (бронепоезд) приводила к образованию *борис павлович*. Ср.: *«В эти мгновения бронепоезд, окрещенный по-свойски «Борисом Павловичем», как дает волю всей своей ненависти, которой полны сердца его экипажа»*[3].

Лексемы такого типа создаются не только на базе инициальных аббревиатур, но и на основе усеченных слов: *мусел* (Чечен. война) от мусульманин (ассоциация с «осел»); *муха* (Чечен. война) от мусульманин; *чехи* (Чечен. война) – чеченцы; *фургон* (от «фуражка»).

Аналогичные образования присущи не только военному жаргону, хотя в количественном отношении, скорее всего, преобладают именно в нем, т. к. в большинстве случаев они связаны с названием техники. Результаты ассоциативных образований имеются в арго: *червяк* (от червонец), *вера михайловна* (от вермут), *гришка* (от гривенник), *милок* (от милиционер). Зарегистрированы подобные образования также в молодежном жаргоне: *белка* (белая горячка), *полина ивановна* (политура), *соха* (от СХА – сельскохозяйственная академия).

Такие процессы действуют и в литературном языке, причем в последнее время они активизировались. Например, таким способом построены названия известных партий и объединений: *яблоко* (от Явлинский, Болдырев, Лукин), *медведь* (Межрегиональное движение «Единство»).

В научной литературе этот процесс еще не получил своего достаточно полного описания и не обозначен терминологически. Для обозначения данного явления мы предлагаем термин «ассоциативное развертывание аббревиатур» и подчеркиваем следующие моменты:

1) Слово «ассоциативное» имеет при этом двойное значение: а) имеется в виду звуковая ассоциация аббревиатуры со словом литературного языка, содержащего тот звуковой комплекс (или звук), что и аббревиатура; б) часто к звуковой ассоциации присоединяется ассоциация семантическая. Создатель (или создатели) слова не только подбирают слова с подходящим звуковым комплексом, но и решают задачу ассоциативного сближения вновь создаваемого слова с денотатом. Как правило, это происходит на основе метафорического переноса. Например, говорящий ставит задачу создать жаргонное слово, обозначающее самолет У-2. Звуковая ассоциация может предложить множество слов, содержащих звук У: уж, улитка, утес, утроба и т. д. Но решается задача не только звукового совпадения. Говорящий желает, во-первых, выразить свое отношение, свои чувства к обозначаемому объекту (в данном случае это положительные эмоции: ласкательность и шутливость), а во-вторых, подобрать слово, которое выражало бы сходство самолета У-2 с денотатом. Таким словом явилось слово *уточка*. В нем содержится звук У, устанавливающий связь с аббревиатурой У-2. Оно также содержит указание на внешнее сходство самолета с птицей (имеет крылья) и на сходство

функции (летает). Кроме того, жаргонизм «уточка» имеет ярко выраженную эмотивную коннотацию. Таким образом, выполнены три задачи: осуществилось звуковое совпадение аббревиатуры с частью вновь созданного жаргонизма; осуществился метафорический перенос на основе внешнего сходства и сходства функций; слово приобрело эмоциональную окраску.

2) Слово «развертывание» обозначает, что происходит процесс, обратный сокращению. На базе аббревиатуры создается слово (или сочетание слов), линейно превосходящее эту аббревиатуру. Так, сочетание слов Андрей Николаевич Туполев сократилось до инициальной аббревиатуры АНТ. Этот звуковой комплекс ассоциировался с собственным именем *антоша*. Произошло развертывание аббревиатуры АНТ в жаргонизм *антоша*, обозначающий самолет. Трансформация аббревиатуры в имя и отчество приводит к тому, что производное значительно превосходит производящее слово в отношении линейной протяженности: БИЧ (боевой истребитель Черановского) – *борис иванович* – самолет Черановского, МИ-3 – *митрич* – самолет. По-видимому, можно выделить два типа процессов в этом явлении: 1) звуковая ассоциация + эмотивная коннотация; 2) звуковая ассоциация + семантическая ассоциация + эмотивная коннотация.

Различие между этими типами ощущают и сами носители жаргона, т. е. военнослужащие. Так, летчик М. Галлай пишет: «Трудолюбивый И-16 стал «ишаком», а пикирующий бомбардировщик ПЕ–2 – «пешкой» (хотя, если исходить не из созвучия, а из существа дела, его следовало назвать ферзем или, по крайней мере, ладьей). Летчик подметил наличие установки на семантическую мотивацию в процессе создания лексемы *ишак*. Жаргонизм *пешка* явился результатом лишь звуковых и эмотивных ассоциаций. Скорее всего, привязка к аббревиатуре становится в некоторых случаях тормозящим фактором. Подходящей знакомой лексемы с компонентом ПЕ и соответствующей денотату семантикой, очевидно, не нашлось.

Показательна в этом отношении история возникновения названия зенитной установки БМ-13, известной под именем *катюша*. Это орудие, прежде чем за ним окончательно закрепилось имя *катюша*, носило другие названия (*гитара, надюша, марья ивановна* и др.). И все-таки не совсем ясно, почему для обозначения пусковой установки БМ-13 была выбрана в конечном итоге именно эта номинация. Несомненно, определенную роль сыграла широко распространенная до войны песня «Катюша». Но пелись и другие, не менее массовые песни. Е. А. Левашов пишет: «Нет оснований отрицать, что легендарная песня сыграла тут свою роль. Но сыграть эту роль она смогла потому, что через имя «Катюша» проявил себя определенный словообразовательный способ: образование слов на основе буквенных сокращений. Дело в том, что в технической документации типы машин обычно маркируются литерами, которые специалисты в своем

профессиональном жаргоне стремятся развернуть в полнозначные слова, отличные от тех, которые породили эти сокращения, и удобные для неофициального пользования: подводные лодки серий «С», «М», «Щ» – «эски», «малютки», «щуки»… Возможно, название «катюша» подсказала стоявшая на установках заводская марка «К» (Русская речь, 1991, № 6, с. 121). В «Военном энциклопедическом словаре» об этом говорится почти утвердительно: *катюша* – народное название боевых машин реактивной артиллерии во время Великой Отечественной войны. Происхождение этого названия, вероятнее всего, связано с заводской маркой (буква «К»), имевшейся на боевых машинах, и с популярной в то время одноименной песней. Другими словами, название *катюша* возникло не только на почве лирических ассоциаций, но прежде всего на твердой материальной основе (буква «К» как исходный производящий компонент).

При ассоциативном развертывании аббревиатур во взаимодействие вступают лишенная лексического значения единица, равная части слова – слогу или звуку (*и, пе, ю, ме и т. д.*), и полнозначное слово, созданное на базе этих аббревиатур. Если народная этимология в своем традиционном понимании предполагает приспособление незнакомого и непонятного слова к знакомому и понятному, то в нашем случае происходит приспособление незначимой и, следовательно, непонятной и неудобной для общения единицы (аббревиатуры) к знакомому и понятному слову. И в том, и в другом случае этот процесс творческий, с установкой на эмотивную коннотацию.

Примечания

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 51.
2. Тихомолов Б.Н. Небо в огне. Краснодар., 1973. С.128.
3. Комиссары на линии огня. М., 1975. С. 92.

О.И. Литвинникова

ПРОИЗВОДНЫЙ ГЛАГОЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА ЛИЧУТИНА

Анализ производной лексики как носителя многоплановой семантики в тексте относится к активно разрабатываемой в последнее время области дериватологии.

Актуальность изучения идиолекта – «точечного» представителя определенного идиома (литературного языка, территориального или социального диалекта), соединяющего в себе общие и специфические черты его структуры, нормы и узуса» [1], является также общепризнанной.

Не претендуя на исчерпывающий характер, в рамках регламента данной статьи представляем наблюдения над производными глаголами как компонентом художественного текста на примере повестей Владимира Личутина [2], практика которого характеризуется оправданным использованием в прозе интересующих нас глаголов обще- и широкоупотребительных, литературно-книжных, народно-поэтических, просторечных, региональных, инкрустированных в стилистически нейтральное пространство повествования.

Известно [3], что понимание производного слова составляет неотъемлемую часть понимания текста, для интерпретации которого нужны как знания о мире, так и о языке, о ситуации или условиях речи. Поскольку в производном слове все эти знания чаще всего являются отраженными в его формальной организации, доступ к пониманию облегчают материально выраженные составляющие: мотивирующие и словообразующие форманты, которые могут рассматриваться как прямые указатели на определенное значение, например, *поварúть* – ‘исполнять обязанности того, кто назван мотивирующим именем существительным’ (*повар* – ‘мастер по приготовлению пищи’) [4]. Ср.: Так председатель и сказал Параскеве, когда просил *поварить* на пожне (с. 112) и др.

В основе сочетаемости компонентов производного слова лежат определенные закономерности и прежде всего семантическое согласие или хотя бы отсутствие противоречащих друг другу сем в семантике взаимодействующих единиц. Процесс сочетания мотиватора со словообразующими аффиксами при довольно большой свободе регулируется зависимостью функций формантов от лексико-семантического значения сочетающихся с ними мотивирующих.

Разнообразные по лексической семантике одно- и разномодельные, в определенной степени унифицированные по словообразовательному значению (СЗ), такие глаголы являются принадлежностью авторской речи и персонажей произведений. В речи персонажей изучаемые глаголы выполняют многообразные функции: индивидуализируют речь, показывая уровень образованности, культуры; характеризуют среду, из которой происходят и в которой живут герои; служат емким средством создания образа, показа «живых» характеров. Ср. некоторые из них: Надо скорее Степушку *оженить* (с. 119). Ворвутся, *заарестуют*, погонят этапом и сронят голову. И нажился, нажился (с. 63). – Ты что, Катька, страмница такая, *сдурела* совсем? Я ведь тебя силком не отдавала, так и жить нать… (с. 157). Я и *обрадела* – думаю, живой кто в леси (с. 306). – Как ты *поседател*, Степаныч, - жалостливо сказала она, тоже поднимаясь со стула (с. 143) и др. Особой выразительностью отличаются глаголы, в структуре которых префикс является как бы плеонастичным (семантически избыточным), на его долю приходится стилистическая функция: *припожáловать*, *споκáяться*: … самолет-то не наш, не кучемский, в эти-то поздние поры и не летывал в

деревню, а вдруг Степушка на нем *припожаловал*? (с. 208). Думаю, ой, девка, торопишься – *спокаешься* (с. 231), а также производные с «замещением» одних приставок другими: С- = ЗА-, ИЗ-, НА-, ОТ-, ПО-, У-. Ср.: - Ну как он, Коля? Дочери-то, поди *смучились* (с. 305). *Смучились* мы (с. 135). *Спустили* нас… Товарищ Сталин умер… (с. 8). Собака, виновато виляя хвостом, ткнулась в ноги, чуть *не сронила* старуху в кипящий на морозе ручей (с. 56). «Осторожно, цветы *не срони*!» - испуганно донеслось из горенки (с. 495). *Сгремели* ведра, заблеяли овцы в заулке (с. 126). И тут кованое кольцо на двери *сбрякало*, в сенях завозились… (с. 288). ВЫ- = ПРО-: … ведь куда ловчее *выспать* ночь подле сдобной жены в теплых перинах… (с. 269); ЗА- = ПО-: Саня… *зажалел* брата… (с. 272); ОБ- = ПО-: И *обжалел* Созонт сына, и увез обратно, оставив монахам жертвенного барана (с. 313); У- = ОТ-: … не дождавшись ответа, *ускочил* к порогу, сел на табурет (с. 126).

Замена префиксального компонента распространяется на производные не только внутриглагольного, но и отыменного типа: *сбелеть*, *словчиться*, *озлиться*, *насмелиться*. Ср.: … сын, давно ли будто, в прошлом месяце сказал: «Ну, матушка, ты у меня все словно молодая. Тебя и старость-то не долит. – Вот тебе и не долит, сынушка. За одну ночь *сбелела*, как молодой снежок (с. 85). Тут и ворону не подлететь, и лисе *не словчиться*, разве только мышка-норушка тихо-тихо выточит ей глаза (с. 55). И от Семейки тоже писемушка нет, не заболел ли ненароком иль на что *озлился*: долго ли две строчки черкнуть – жив, мол, здоров, Нюра, чего и тебе желаю… (с. 73). Молока-то каждый хочет, да не всякий *насмелится* держать коровушку (с. 249).

Имеют место единичные случаи «замены» одного суффикса другим: -НУ- = -ОВА-: … как *тоснет* сердце, не случилось ли, однако, чего с дедкой (с. 294); -И- = -ОВА-: Господи, чего только время не делает с человеком: оно его родит, оно и *уро́дит* (с. 125) [5].

Свободу выбора и «замещение» того или иного словообразующего форманта в речи персонажей можно связывать прежде всего с недостаточно системной внутридиалектной синонимией [6].

Определенное место в речи персонажей повестей В. Личутина занимают производные глаголы вторичного префигирования (чаще всего называемые исследователями многоприставочными, полипрефиксальными), характеризующиеся известной экспрессивностью, и потому охотно используемые в народно-поэтической и устной речи, в просторечии и диалектах [7]. Основным значением, вносимым в глаголы вторичными приставками, является ‘основательность, тщательность действия’ (в том числе - нежелательного): Еще про Китай все *выспрашивает* (с. 135). Парня одного *изуделал*, на аптеку поныне работает (с. 270). В речи автора из подобного рода производных употребляется глагол *спородить*, в котором непервичный префикс С- выполняет стилистическую функцию, служа

средством усиления семантики первой от корня приставки и эмоционально-экспрессивного обогащения всей композиты. Ср.: Уж как Иванова матушка, она три часа радовалась, что сына *спородила*, высокошенького вырастила (с. 157).

Не менее ярко воспринимается в речи персонажей глагол, своеобразие которого обеспечивает ассимилятивное изменение согласных: Нюра ей: «Катя, скинывайся давай, хватит *монничать*, придвигайся к столу (с. 32), инверсия компонентов структуры глагольного слова: И вижу нынь плохо, зверя-то добывать совсем *незамогла* (с. 45), а также – когда диалектный глагол является одной из единиц устойчивого словесного комплекса: Ох, Юлька, Юлька, зря ты свое хозяйство зоришь, где-то на дальней местности *головушку пришатила*, да чужая-то сторона пуще неволи (с. 25). По данным Фразеологического словаря русского языка, ФЕ *приклонить голову* – ‘приютиться, найти пристанище, кров’ [8]. *Пришатить* – ‘приблизить, шатая, качая, пошатывая’.

Производные с общим словообразовательным значением, имеющие одно и то же мотивирующее, как одно-, так и разномодельные по структуре, в сочетании с другими элементами текста, с одной стороны, реализуют творческий замысел писателя, передают тонкие национально-культурные черты русской души, русского характера: … черемуховые глаза притухли, утеряли постоянный влажный блеск, и синие круги под ними загустели, губы *зачужели* и сухо зашершавели (с. 234). Милка вновь замкнулась, *почужела* и, пока переезжали через загустевшую, уже засалившуюся реку, молча стояла у борта, костяно похрустывала сцепленными пальцами (с. 326). Или: *занепогодить* и *разнепогодиться* – ‘о наступлении плохой погоды (непогоды)’; *заморщинеть* и *разморщиниться* – ‘стать морщинистым’, ‘покрыться морщинами’ (прежде всего о лице человека)’ и т.д., а с другой – выдвигают вопрос об их семантическом отношении как к мотивирующим единицам, так и между собой. Изучение данного вопроса может оказаться ключевым в осмыслении динамики деривации в процессе речи [9].

Наблюдения над семантикой производных отыменных глаголов позволяют говорить как об эквиполентном характере семантической соотносительности глаголов с их мотивирующими, так и о разной степени семантической близости, что немаловажно для исследования семантики текста, в котором функционируют названные глаголы.

1. Семантические объемы единиц мотивационных пар не только полностью соотносятся, но и абсолютно совпадают со словарными значениями. Это глаголы СЗ: ‘стать / становиться таким …’. Ср.: черный клеенчатый плащ на Радюшине зеркально отблескивал, и обветренное лицо глянцево *завлажнело* (с. 288) (*влажный* – ‘пропитанный влагой, мокрый, сырой’). Ивняки над берегами *закуржавели* и огрузли, и было чудно глядеть (с. 53) (*куржавый* – ‘заиндевелый’). Степушка правил тропинкою в гору, взбирался прямо, *не кособочился* (с. 243). Изгородь в две дальних доски,

почернела, *закособочилась*, местами упала (с. 286) (*кособокий* – ‘с косым, кривым боком; покосившийся набок’). Подобно неряшливо сметанным зародам, *сутулилось* Нюрино житье: изба, амбар, банька на задах (с. 33) (*сутулый* – ‘с небольшим горбом, изгибом, выпуклой кривизной’);

‘сделать / делать таким …’: потом *наполнила* стакашки вровень с бортиком, в прогиб, без пролива не поднести ко рту (с. 262) (*полный* – ‘сколько может вместить, по край, до верху’). На локтях подтянулся Геласий, *выпростал* поверх одеяла бороду, губами пожевал и неожиданно для себя запел (с. 314). Они (бабы) спешили в лавку, порой оборачиваясь, словно их кто толкал в спину, *ширили* ноги и долго и любопытно приглядывались к Нюре… (с. 7). … не открывая лица, куда-то под локоть протащила стакашек, выпила и опять закачала крупной головой, словно *усмиряла* в себе рвущееся на волю горе (с. 19) (*смирный* – ‘спокойный, тихий, покорный’). Но самые удачливые тропы Нюра *не сиротила* и, несмотря на нытье в пояснице и колотье под лопаткой, поправляла стенки из березовых веток (с. 50) (*сиротливый* – ‘тоскливо-одинокий, унылый’) и др.;

‘быть кем…’: С войны *вдовеет* она, муж в обозе до Берлина дошел, а там порезали его конокрады уже после замирения (с. 25) (*вдова* – ‘женщина, у которой умер муж’). Где-то средь ночи вдруг снилось Нюре, будто она еще в той наивно-любопытной поре, когда девки уже вкрутую *дролятся* с парнями, позволяя на вечерке сидеть ухажеру на их коленях, жадно проверять, все ли у хваленки на месте, и от этих скорых украдчивых объятий вместе сладко млеть (с. 36) (*дроля* – ‘любимый, милый’) и др.;

‘испытывать то, что названо мотивирующим’: Ой, тупа баба была: уж вдовела, а еще хранила себя, *совестилась*. От своей любви не взяла… (с. 95) (*совесть* – ‘чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом’) и др.

2. Частично совпадают или реализуют периферийные значения слова, т.е. в тексте употребляется глагол, семантика которого отражает одно из значений мотивирующего полисеманта:

а) 1-е или его часть – из 2-х: Нюра в сердцах *забурела* лицом, отодвинула чашку от себя, расплескивая чай по столешне, и было совсем намерилась встать, но… (с. 22) (*бурый* – 1. Серовато-коричневый). И сугробы кругом *зажелтели*, словно полили их луковым отваром (с. 13) (*желтый* – 1. Цвета песка, золота). Нюра как бы *огорбатела* с двух сторон сразу, получалось, что ее вроде бы поглотил другой человек, и того, другого, бесформенно оплывшего, она и таскала на себе… (с. 52) (*горбатый* – 1. Имеющий горб, сгорбленный). Вот и все сбылось, как думалось… Вот и исполнилось то, чего *страшилась* (с. 76) (*страх* – 1. Очень сильный испуг, сильная боязнь). Дождь катился по глазам и щекам, попадал в рот, Параскева захлебывалась, но лицо *не сторонила*, а только фыркала, как довольная сытая лошадь, сдувая в сторону водяные нахальные струи (с. 110) (*сторона* – 1. Направление, место, расположенное в к.-н. направлении от к.-н, ч.-н.);

б) 1-е из 3-х: Едва *развиднелось*, Нюра взяла лопату и пошла копать могилу (с. 85) (*видный* – 1. Доступный зрению, заметный). Упала Нюра в снег, кулем повалилась, *заголосила* на весь зимний лес: «Лешенька, да не помер ли ты, голубеюшко?» (с. 29) (*голос* – 1. Звучание, производимое колебанием связок, находящихся в горле). Но шли годы, Акимко оброс костями и мясом, вытянулся и *заматерел*, ровно становясь мужиком… (с.72) (*матерый* – 1. Полный сил, крепкий, достигший полной зрелости). Глухо, как сквозь вату, *забасила* собака: Нюра держала ее в сенях, чтобы ненароком не заели волки (с. 33) (*бас* – 1. Самый низкий мужской голос) и др.;

в) 1-е из 4-6: … такая уж была мода у человека: *ослепнет* с хмельного, опухнет весь, а потом прячется, ползет подале с глаз чужих долой, чтобы отоспаться, в себя прийти (с. 28) (*слепой* – 1. Лишенный способности видеть, но не лишенный зрения вообще, незрячий). Небо уже *позеленело*, а дальний лес, куда предстояло войти, был по-вечернему мрачен и окутан кисеей сумерек, выплывающих из суземов (с. 24) (*зеленый* – 1. Цвета травы, листвы). Снег желтел и *тончился* (с. 13) (*тонкий* – 1. Небольшой в поперечнике, в обхвате);

г) 2-е из 2-х: Продавщица *оживилась* более всех, огладила гусиными ладонями выдающиеся бедра, покрытые несвежим фартуком и зачем-то оправила на грудях плюшевую жакетку (с. 9) (*оживленный* (*живой*) – 2. Деятельный, активный). Но от этой печальной музыки небо *не замутилось* хмарью, а, наоборот, развиднелось, освободив багровое ярило и наполнились синью отроги (с. 14) (*мутный* – 2. Потускневший, затуманенный). И потому стекла не обмерзали, а как бы слегка *запотели* и залысели (с. 7) (*потный* – 2. Покрытый влажным налетом, запотелый). С патрикеевной мы в ладу живем, она моих кур отличает, *не пакостит*, она у меня послушливая, голубеюшка (с. 12) (*пакость* – 2. Гадкий поступок с целью повредить к.-н.);

д) 2-е из 3-5: А тогда они в Совполье *бедовали*… (с. 103) (*беда* – 2 (разг.) Очень плохо, трудно, затруднительно). Намолчалась в одиночестве Нюра, а сегодня набухла ее старая душа, *переполнилась* всем передуманным, и хлынула горечь через край: хоть бы успеть высказать все… (с. 18) (*полный* – 2 (перен.). Целиком проникнутый, охваченный ч.-н.). А мороз был, *высветлило* (с. 104) (*светлый* – 2. Хорошо освещенный, яркий) и др.;

е) 3-е из 3-х: - Ой, Нюрка, Нюрка, *киснешь* ты пошто, - сказала Питерка вслух. – Раз киснешь, видать, худовата твоя вата, не годится на пальто (с. 27) (*кислый* – 3 (перен.). Уныло-тоскливый, выражающий неудовольствие, без всякого подъема, воодушевления);

ж) 4-е из 4-х: В 36-ом Нюра Питерка не пошла *голосовать*, она не хотела глядеть на щучье обличье Вани Соска, тогдашнего председателя сельсовета, а не то еще отдать за него свой голос (с. 14) (*голос* – 4. Право заявить свое мнение при решении вопросов в государственных, общественных учреждениях, а также само такое выраженное мнение). Еще

чикнусь на старости лет. *Охолонуться* надо, *охолонуться* (с. 41) (*холодный* – 4 (перен.). Безучастный, бездушный);

з) 4-е из 5-6: Ну что тут сказать, что ответить? Как *утишить* человечье горе? (с. 254) (*тихий* – 4. Смирный, спокойный). И деревня-то сразу ожила, словно столкнули ее с полатей, мол, хватит *сонничать* (с. 13) (*сонный* – 4 (перен.). Бездеятельный, неподвижный);

и) 5-6-е: Кое-где наледь окон *затеплилась* ранним светом, видно, керосином в тех домах жили богато (с. 24) (*теплый* – 5. Ласковый, приветливый. 6 (перен.). Приятный для зрения) и т.д. [10].

Мы далеки от мысли о том, что приведенная типология семантического включения мотивирующих в значения производных глаголов является всеобъемлющей, лишь хотим подчеркнуть, что слово в своем развитии постоянно образует новые значения, всегда при этом будут и «спящие», но готовые напомнить о себе, что способность мотивирующих в сочетании со словообразующими аффиксами создавать другие единицы – свидетельство широких возможностей словообразовательной системы, а также – что корректное использование производных глаголов широкого стилистического спектра в творчестве Владимира Личутина красноречиво говорит как о многогранности таланта писателя, так и о его глубоком знании не только словообразования, но вообще русского языка, об умении пользоваться неисчерпаемыми богатствами родного слова [11], об удивительно бережном отношении к семантической информации – всему тому, что создано человеческим замыслом и закреплено в знаковой форме, сохранено в ней и усвоено другими людьми.

3. Как правило, семантика производных слов (глагол не является исключением), в том числе и словообразовательных диалектизмов, не требует специального объяснения, однако в некоторых случаях значение данных слов помогает понять ситуация, описанная в тексте. Ср.: Через месяц поняла вдруг, что *затяжелела* от Мишки, ходила еще темными улицами, пугливо таилась за черными банями, глотала горький березовый дым и давилась слезами, когда слышала радостный Мишкин гогот: крутил парень вторую любовь (с. 161). *Затяжелеть* – ‘стать беременной (тяжелой)’. Или: Кто умней да посмелей, тот деру в город дал, ныне в квартирках с газом да теплой уборной, деточки в инженерах, а кто поглупей, наш-то брат с четырьмя коридорами, ныне на земле *пупеет* (с. 147). Именно из фрагмента текста понимаем, что *пупеть* – ‘много и тяжело работать физически’, мотивирующим для приведенного глагола является устойчивый словесный комплекс *надрывать (рвать) пуп,* в то время как в афористической системе языка 90-х гг. XX в. функционирует и глагол *пупеть* – ‘становиться (казаться, ощущать себя) тем, кто назван мотивирующим', в качестве такового для которого выступает устойчивый словесный комплекс *пуп земли.*

Большое количество диалектных производных глаголов в повестях Личутина объясняется прежде всего тем, что говоры как составная часть русского национального языка являют собой один из феноменов культуры, с богатством проявления которой традиционно ассоциируется русский Север. Стремление писателя к распространению знания о жизни этого региона за его пределы естественно. К тому же литературный опыт 70-80-х гг., известный под названием «деревенская проза», принес иное отношение к диалектной лексике: ее использование в литературе перестало быть подцензурным, что позволило авторам обращаться к диалектным формам языка как к одному из средств реализации компонентов национальной культуры и средствам образности, выразительности художественных произведений.

Диалектное слово в творчестве Личутина – один из инструментов познания мира и человека «изнутри» и «снаружи», способствует возможности не только передать познанное, но и пригласить читателя к познанию всего, чем не скупится поделиться с ним писатель, прекрасно понимающий, что художественный текст – это мягкое обучение, при котором неполнота пояснений не только возможна, но и закономерна.

Присутствие региональной производной глагольной лексики в художественном тексте, способствуя неисчерпаемости его смыслового потенциала, помогает автору поднять объем культурного тезауруса читателя и обеспечить степень совпадения с культурным тезаурусом и эстетическими взглядами писателя. Кроме того, диалектизмы, «допущенные» в художественный текст не только писателем, но и современной литературной нормой, свидетельствуют о влиянии диалектной формы языка на литературную, что немаловажно для внимательного изучения их не только как средств создания экспрессивности текста, но и средства реализации компонентов русской национальной культуры [12].

Поскольку В. Личутин, как и многие другие писатели, живет в обществе, имеющем свою культурную память и обладающем культурным наследием, он всегда оперирует уже сложившимися в национальной культуре понятиями. В нашем случае, воспроизводя черты синхронного словообразования, он сохраняет и передает соответствующие культурные знания.

Производные глаголы как часть используемых писателем единиц отражают наиболее характерные черты языковой энергетики, замеченные в свое время А.С. Пушкиным, - свежесть, меткость, выразительность, принадлежность «коренной струе языка», напоминая читателю о силе и красоте родного слова.

Логически оправданные, вложенные в уста героев или привнесенные самим автором, глаголы «соразмерны и сообразны» с общим фоном текста произведений, что обеспечивает искренность и непринужденность повествования.

Словообразовательные модели узуальны, нет каких бы то ни было словесных ухищрений и нарочитых украшений, - естественный язык (речь).

Владимир Личутин стремится показать заложенные в русском национальном языке возможности, нередко не замечаемые носителями языка, особенно языка литературного типа, и, на наш взгляд, ему это удается.

Сегодня, когда тема огрубления речи стала модной, многие филологи и публицисты видят в легализации грубой и нецензурной лексики проявление кризисного состояния языка, особенно приятно сознавать, что язык диалектного типа (термин принимается не всеми лингвистами!) «держит» нравственную «оборону».

Изучение функционирования производных глаголов (и вообще производных слов), их семантики и структуры представляет интерес как для исследования особенностей индивидуального языка и стиля конкретного писателя, так и для изучения своеобразия русского языка определенного этапа развития; не только языка, но и общества, поскольку «в языке писателя так или иначе отражается язык эпохи», о чем почти полвека назад писал один из классиков отечественного языкознания – В.В. Виноградов [13].

Примечания

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 171.
2. Личутин В. Повести. М., 1981.
3. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц. Доклады VI международной конференции. М., 1998. Т.1. С. 49.
4. В семантизации слов использованы данные словарей: Ожегов С.И.. Словарь русского языка. М., 1986; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981.
5. Литвинникова О.И. Словообразовательные варианты в системе русского диалектного глагола. Киев, 1994.
6. Соколова О.И. Глагольная система диалекта (на материале говора и произведений устного народного творчества Пудожского района Карельской АССР) // АКД. Самарканд, 1970. С. 16-19.
7. Соколова О.И. Указ. работа. С. 30-35.
8. Фразеологический словарь русского языка/ Под ред. А.И. Молоткова. М.. 1967. С. 355.
9. Литвинникова О.И. Мотивационные отношения словообразовательных пар// Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Екатеринбург, 1999. С. 203.
10. Литвинникова О.И. Указ. работа. С. 201-203.
11. Иванова Л.В. Стилистические функции словообразовательных единиц// Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. 3. М., 1999. Т.2. С. 165-171.
12. Литвинникова О.И. Диалектное слово как средство реализации компонентов русской национальной культуры на примере творчества Владимира Личутина// Язык, слово, действительность. Материалы II Международной научной конференции. Минск, 2000. Ч. 2. С. 8-11.
13. Виноградов В.В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы// ВЯ, 1955. № 4. С. 23.

Н.В. Макшанцева

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА КАК ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Замена описания системного устройства языка в статике описанием функционально-динамических аспектов языковых феноменов (Ю.Караулов, Н.Арутюнова, Б.Серебренников) обусловило активный поиск исследований новых технологий обучения языку.

Несмотря на довольно многоцветную картину лингвистических образовательных процессов, в ней можно выделить общие подходы к языковой подготовке разных категорий обучаемых. Один из основных – обучение на основе теоретических положений межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация – это «общение людей» представляющих разные культуры» [1].

Особую значимость в связи с обозначенным аспектом приобретает выявление ментальной модели действительности, отраженной в языке. Язык является не только средством общения, но и средством трансляции культуры, являясь «высшим проявлением духа народа» [2]. Способ мышления народа можно познать только через его язык, овладеть которым – значит овладеть специфическим образом мышления: мы можем мыслить о мире только в выражениях данного языка, пользуясь его концептуальной сетью. Поэтому «разные языковые сообщества, пользуясь разными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся по сути основанием национальных культур» [3].

Моделирование мира в сознании человека происходит с помощью концептов, универсальных и национально специфичных.

Концепт – это результат когниции. Как известно, когниция означает «знание», «познание». Сочетание двух латинских терминов – cognitatio и cogitatio – фиксирует как процесс приобретения знаний, так и его результаты, чаще всего оно обозначает познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов: восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и т.д. [4].

Концепт в связи с концептосферой - глобальная номинация, охватывающая преломление всех видов знания о явлении, которое стоит за ним. В рамках системы “культура” концепт – единица концептосферы, микромодель обширной модели, инвариант культуры. При характеристике концепта учитывается, что знания служат основой для формирования смысла как основы концепта. Смысл в концепте может получать как вербальное, так и невербальное выражение [5]. Смысл вслед за Г.Фреге [6] понимается как

способ представления денотата в знаке. У знака может быть несколько смыслов при денотате, т.е. том предмете, который этим знаком обозначается. Смысл знака – это то, что отражает способ представления, обозначаемого данным знаком.

Первичную семантическую мотивировку языкового концепта проясняет внутренняя форма (В. фон Гумбольдт, А. Потебня). Приведем в качестве примера происхождение этнонима "Русь". Одна из гипотез связывает имя "Русь" с термином "Ruotsi", которым финские племена обозначали выходцев из Скандинавии, из той ее области, которая впоследствии стала Швецией [7]. Само имя Ruotsi в финских языках происходит от др.-сев. Drott – "дружина'': drott – ruot - si – русь. Если обратиться к дальнейшим исследованиям слов, связанных с –drott- в самих германских языках, то можно констатировать, что вся семья слов восходит к прагерманскому корню «dreug» (и.-е *«dhreugh»), который означает «прочно держаться вместе» [8]. Слова этой группы подразумевают всякий человеческий союз, основанный на прочной естественной или установленной обетом, обязательством связи. Внутренняя форма, этимология имени «Русь» указывает на одну из возможных интерпретаций мира через язык, выявляя глубинную психологическую смысловую доминанту русского народа: единство, общность, союз, соборность.

Этимология позволяет прояснить различие смысла универсальных концептов в разных культурах.

Универсальный концепт «дружба» признан во всех культурах важнейшей категорией. Понятия, заключенные в словах «друг», amicos, friend, Freund очень сходны, но наряду со сходством не менее существенны и различия. По мнению А. Вежбицкой, «друг», «дружба» - «слова, воплощающие концепты, которые являются культурными артефактами создавшего их общества» [9].

В этимологических словарях слово «друг» трактуется как общеславянское:

Друг. Общеславянское: др.-рус. *другъ* (Срезневский), укр. *Друг,* бел. *друг,* польс. *druuh,* чешск. druh, словацк. druh, ст.-сл. другъ, болг. *другар, другъ,* с.-х *друг, другар*, макед. *другар*, словенск.

Drug. Считается также родственным лит. draugas «товарищ, спутник», draug drauge «вместе, сообща», латышск. draugs «приятель», гот. driugan «воевать», gadrauhts «солдат», др.-в.-нем. truht «отряд», truhtin «князь, военачальник», др.-исл. brott «свита, кортеж» и др. [10]. Иную точку зрения высказал О. Трубачев, который считает, что слав. drugъ (drou –go- «верный, сообщник, товарищ») образовалось от той же и.-е основы (dhreu-/dhru-), что и *дерево* с пом. Суф. –g- (ср.муж, слуга), ср. нем traugen "верить, доверять», Treue «верность», лит. drovetis «стыдиться, стесняться» [11].

В немецком этимологическом словаре слово «Freund» - друг - имеет общегерманские корни, и в древнегерманском, готском и английском языках

являлось субстантивированным причастием «Verwandter» (“родственный, любимый»). Наряду со старым значением «родственный по крови» или «представитель племени», уже у германцев оно приобретает значение «личный, поверенный, товарищ».

Слово «Freundschaft» – дружба – обозначало раньше общность родственников или людей, с любовью относящихся друг к другу. Однокоренным словом является и глагол «freien», и существительное «Freier». «Freien» обозначает «ухаживать за кем-либо, домогаться расположения, свататься, жениться (выходить замуж)». «Freier» - поклонник, жених. (Duden. Das Herkunfftswoerterbuch. Etymologie der deutscen Sprache. B.Z.Meyers Lexikonverlag, Mannheim/Wien/Zuerich 2. voellig neu bearbeitet).

На осознании внутренней формы возникают остальные слои значений.

Русская культура	Немецкая культура
Близкий человек, приятель, хороший знакомый, сторонник, защитник, друг свободы, приверженец. [12]	Друг, приятель, товарищ, сторонник, любитель чего-либо, возлюбленный, милый, любовник, член союза свободной немецкой молодежи. [13]

По существу, лексема совпадает, а концепты кардинально отличаются друг от друга. Можно сказать, что концепты лежат глубже словарных значений лексики соответствующих языков.

Внутренняя форма как способ представления действительности в языке является носителем единства, средоточием образности, выражающей национальную специфику. Так коннотации пространственного концепта «Круг» характерны для представлений о чисто русском типе красоты, в основе которого лежат черты сходства с фольклорными образами красавиц из народа. («Оно [лицо] уже стало не похоже на прежнее лицо…”, “Скрипнула дверь, я оглянулся: солнышко, русское солнышко вкатилось в столовую…”) [14].

Один из важнейших признаков концепта – включенность в коммуникативную цепь. Общение предполагает обмен смыслами, концептами в вербальной и невербальной форме. «Когда мы говорим, мы каждым словом подымаем прах тысячи смыслов, присвоенных этому слову и веками, и различными странами, и даже отдельными людьми» [15].

В общении языковая реакция возникает спонтанно, как реакция на внешний стимул, как ответ на вопрос, как прояснение, раскрытие или разгадка смысла. Смысл раскрывается в двух ипостасях: ассоциативно-символической и знаково-дискурсивной. Смысл определяется с опорой на имеющиеся ассоциации слова. Концепт активизируется в сознании человека путем ассоциаций. Нечто сказанное одним, что-то значит для других, и реакция этих других на сказанное, в свою очередь, имеет смысл для автора

сообщения. Способность говорящих откликаться на каждую отдельную частицу языкового материала ассоциациями, спонтанно возникающими в сознании, составляет неотъемлемую черту языковой деятельности. Ассоциации, возникающие в ассоциативно-вербальной сети (АВС – Ю. Караулов) [16], многочисленны, среди них будут стереотипные, привычные, редкие, уникальные. Волны ассоциативных резонансов открывают новые возможности осмысления концепта. Каждый говорящий представляет собой неповторимый личный языковый мир, который соприкасается и взаимодействует с другими такими же мирами.

Восприятие концепта всегда личностно, в то же время оно детерминировано культурой.

К примеру, для французов дом – место, где живут, для русских - это прежде всего семья. Труд - профессиональная активность, заработок (фр.) и труд – занятие, деятельность (русск.) [17]. У иностранных студентов, обучающихся в Нижегородском государственном лингвистическом университете, в ассоциациях, связанных с восприятием цветообозначения «красный», превалирует сема цвета. У носителей русского языка веер ассоциаций значительно разнообразнее.

КРАСНЫЙ

Девица	Армия	Словцо	Наряд	Доска
Солнышко	Косынка	Уголок	Петух	Рыба
День	Площадь	Галстук	Ручка	Книга
Цвет	Гвоздика	Цветок	Перо	
Кофта	Роза	Закат	Чернила	
Костюм	Флаг	Мак	Карандаш	
Конь	Знамя	Огонь	Пальто	
Пески	Шляпа	Рябина	Дом	
Кирпич	Листья	Осень	Яблоко	
Вишня	Вечерний	Маяк	Салют	
Кровь	Сердце	Гранит	Любовь	
Бык	Тореадор	Броский	Вызывающий	
Шик	Россия	Палатка	Понимающий	

Используя метод ассоциативной грамматики Ю. Н. Караулова, можно построить несколько рядов синтаксем.

I. Красная роза
Красная рябина
Красные чернила и др.

Ассоциации вызваны осознанием цвета. Основное значение – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра». Синонимы - алый, багряный.

II. Красная девица
Красное солнышко

Ассоциации образуют устойчивое единство, сема цвета находится на периферии, доминирует сема *хороший, прекрасный, красивый.*

III. Красный конь
Красный закат
Красная осень

В этих ассоциациях ощутим метафорический перенос. Причем переносное значение синтаксемы *красный конь* детерминировано ситуацией, общим толкованием контекста (картина К. Петрова-Водкина «Купание красного коня», образ, навеянный древнерусской живописью).

IV. Весна – красна(я)
Красное солнышко

На первом месте здесь сема *ясный, яркий, светлый.*

V. Красная Армия
Красная Россия
Красный (человек)
Красный флаг

Смысл данных синтаксем выходит за рамки лексической семантики и предполагает знание определенных культурных реалий. В романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» о Николае Петровиче сказано «…его в губернии *красным* величают…» (т.е. левый, радикальный).

За словосочетанием Красная Армия, гвардия, Россия, красный галстук, красный флаг стоит определенный денотат, смысл которого предполагает не только знание семантики составляющих его единиц, но и знание культуры.

В процессе коммуникации ее участники придают речевым высказываниям определенный смысл, интерпретируя их содержание на основе своих фоновых знаний. У каждого участника коммуникации присутствует своя АВС, но вместе с тем в языковом социуме фоновые знания имеют и общие черты, которые составляют единую когнитивную среду, обусловленную культурой этноса и обеспечивающую возможность общения.

Влияние культурных фактов на саму возможность вербальной коммуникации очевидно. При этом важно выяснить, какие из факторов принадлежат именно данной культуре .Установление «корпуса, состава, репертуара национально-культурных концептов» [18], их осмысление – одна из важнейших задач, поскольку именно встреча с подобными концептами в процессе межкультурной коммуникации вызывает множество проблем.

В межкультурном общении рождается вторичная языковая личность, владеющая образами сознания «своей» и «чужой» культур. Опыт

межкультурного общения «начинается со столкновения с новой культурой» [19], «интегрируясь в чужое..., человек глубже изучает и понимает собственную культуру, специфику менталитета, системы ценностей, обычно незаметные изнутри, вне сравнения с чужим» [20].

И поскольку главной причиной непонимания при общении является различие национальных сознаний участников диалога, необходимо приобщить обучаемых к иноязычной картине мира. Решить эту проблему позволит изучение национально-культурных концептов, их компонентный анализ, который рассматривается нами как средство формирования вторичной языковой личности в условиях межкультурной коммуникации. Компонентный анализ (совокупность сем и семем, репрезентирующих концепт) дает возможность исчерпывающе представить объем и содержание соответствующего языкового концепта, актуализируя национально-культурный компонент.

Таким образом, возникает возможность глубже осознать уникальность «своей» и фундаментальную непохожесть «чужой» культуры. На этом основании можно строить диалог, в основе которого лежит теория национальных концептосфер.

Примечания

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С.14.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 335.
3. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии// ВЯ, 1994. №4. С. 39.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 92.
5. Попова З.Д., Стерин И.А.. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999; Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов. 2000.
6. Фреге Г. Смысл и денотат// Семиотика и информатика. М., 1997. С. 351.
7. Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 495.
8. Ernst S., Dick A.E. DRYHT und seine Sippe. Eine wirtkundliche, kultur – und religionsgeschichhtliche Betrachtung zur altgermanisglaubens Vorstellung vom wachstulichen Heil. Munnnnnster: Verl/Aschennndorf, 1965.
9. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 288.
10. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. С. 542-543.
12. Этимологический словарь слав. языков/ Под. ред. О.Н. Трубачева. Вып. 8. 1981.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2000. С. 223; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С 176-177.
14. Немецко-русский словарь/ Под ред. А. Лепиной и Н. Страховой. М., 1964. С. 215.
15. Куприн А. Штабс-капитан Рыбников // Соб.соч. В 6 т. М., 1958. Т.4. С. 35.
16. Одоевский В. Избранное. М., 1960. С. 187.
17. Караулов Ю. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
18. Веденина Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова//ИЯ в школе, 2000. №5. С. 73
19. Нерознак В. От концепта к слову. К проблеме филологического концептуализма// Функциональная лингвистика: прагматика текста. Симферополь, 1997. С 108.

20. Adler P.S. The Transitional Experience: an Alternative View of Culture Shock// Journal of Humanistis Psychology. Brigman, 1975. P. 18.
21. Марковина И. Новая культура и способы адаптации к ней; современные подходы к проблеме «культурного шока»// Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996.

Т.Д. Маркова

ОДНОКОРЕННЫЕ ГЛАГОЛ И СУБСТАНТИВ В ТЕКСТЕ: СЕМАНТИКА ПОВТОРА

«Сочетания однокорневых слов – это прием организации повествования, который акцентировал внимание читающего или слушающего на ключевом слове текста. В эпоху синкретизма путем столкновения однокорневых слов автор уточнял понятие, вводимое в ткань повествования…» [1], – отмечает в одной из своих работ проф. Г.А. Николаев, добавляя при этом, что в более поздних текстах подобные однокорневые сочетания представляют собой «отголоски орнаментальной прозы» [2].

«…однокорневые сочетания приглагольного имени и соотнесенного с ним глагола … широко представлены в частности в древнерусских памятниках разной жанрово-стилистической направленности. Они характеризуют особенности славянских языков древнего периода их развития…» [3]. Результаты анализа структуры и семантики современного художественного и публицистического повествования свидетельствуют о том, что функционирование однокоренных глагола и имени и по сей день продолжает оставаться одним из средств реализации определенных художественных и смысловых установок автора.

Приведем примеры текстов, где употреблены глаголы и производные от них имена существительные со значением деятеля, но не использованы синонимы ни глагола, ни имени, имеющиеся в языке:

"Николай Николаевич добровольно вызвался помогать ему. Помощник он старательный и толковый." (Куприн. Болото.)

"Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело, а у нас - это чернорабочий, плохо образованный человек, который идет учить ребят в деревню с такой же охотой, с какой пошел бы в ссылку."

(А. Горький. А.П. Чехов)

Подумаем, чем вызвано, с чем связано и чем объясняется использование в текстах однокоренных глагола и имени со значением деятеля. Почему различные авторы порой не прибегают к замене глагола и имени имеющимися синонимами? Ведь известно, что, для того чтобы избежать навязчивого повторения (а именно это и наблюдается при использовании созвучных слов), прибегают к помощи синонимов. Это вносит в речь разнообразие, делает ее богаче и выразительнее. Но оказывается, есть случаи, в которых "однозвучание", своеобразный звуковой повтор допустим или даже желателен на фоне особых нюансов семантической игры. Перечислим основные причины, по которым авторы могут избегать употребления синонимов, используя однокоренные глаголы и имена существительные:

1) При внешнем, нарочитом повторении наблюдается взаимное семантическое дополнение глагола и имени, высвечивание отсутствующих друг у друга сем и совмещение их. Глагол и имя сливаются в единый семантический комплекс, а воспринять их в единстве как раз и помогает сходство их внешней формы, звучания.
2) Если один из компонентов рассматриваемой пары - полисемант, то другой член (как глагол, так и имя) помогает актуализировать значение этого полисеманта, так зачастую обыгрывается смысл, обеспечивается возможность каламбура.
3) У одного из компонентов рассматриваемой пары может появиться смысл чисто контекстуальный, не отмеченный словарем. Причем, смысл этот рождается как бы "по заданию" другого члена пары. Происходит своеобразное "отрицание" собственного словарного значения, что позволяет оттенить значение другого компонента, придавая особую значимость каждой его семе.

Единство глагола и производного от него имени существительного в дискурсе усиливает динамизм текста в целом. Созвучие имени и глагола, вместе с унаследованием семантики действия производным именем, позволяют глаголу как бы "растекаться" по тексту, выливаясь в разные (даже именные) формы. Благодаря этому внимание читателя (слушателя) невольно концентрируется на семантике действия.

Обратимся к примеру:

"- Случайно узнал, папаша, что вы больны.
Отчего вы мне ничего не написали?
Я сейчас же приехал бы...

-Что писать-то, милый сын, какой я писатель?"
(Мамин-Сибиряк. Хлеб.)

В тексте глагол "писать" встретился в двух разных грамматических формах: во-первых, "писать" и "написать" - это видовая пара , во-вторых, "написал" - это форма прошедшего времени, а "писать" - инфинитив. Отметим это

сразу, так как далее эти грамматические отличия будут направлять развитие семантики действия в тексте.

А сейчас обратимся к толковым словарям и рассмотрим значения слов "писать" и "писатель".

ПИСАТЬ - 1. Изображать на бумаге или ином материале какие-н. графические знаки.
2. Быть годным для писания.
3. Изображая буквы, записывая слова, соблюдать правила орфографии.
4. Записывать, составлять какой -н. текст.
5. Обращаться к кому-н. с письмом, посылать письмо.
6. Сочинять литературное, научное или музыкальное произведение, записывая его.
7. Создавать живописное произведение.

В данном случае глагол "писать" в форме совершенного вида "написать" реализует значение "обращаться к кому-н. с письмом". При этом чисто грамматически действие соотнесено с прошедшим временем. Что касается повторного употребления глагола, то создается впечатление, что значение его несколько шире предыдущего. Другими словами, скорее всего во втором употреблении глагола "писать" реализовано значение "записывать, составлять какой-н. текст". Это более широкое значение воспринимается как таковое еще и благодаря тому, что перед нами форма инфинитива, представляющего действие вне времени и имеющего особую, близкую к именной, природу.

ПИСАТЕЛЬ - 1. Лицо, профессионально занимающееся литературной деятельностью.
2. устар. шутл. Человек легко и искусно пишущий.

Строго говоря, первое значение имени "писатель" не соотносится со значениями 4 и 5 глагола "писать". Однако, кажется, что в данном случае реализовано именно оно. Необходимо иметь в виду *отличие словарной интерпретации значения слова от речевой реализации этого значения.* **В тексте "словарные" значения слов выглядят несколько иначе, это уже не значения как таковые, а смыслы, возникающие на основе значений.** "Механизмы" появления смысла на базе заданных языком значений могут быть различными.

В данном случае наблюдается взаимное семантическое дополнение: глагол и имя составляют единство, в котором совмещаются наборы сем. Общий семантический набор будет следующим: посылать, письмо, текст, лицо, профессионально, литературный, деятельность. К этому необходимо добавить следующее наблюдение: второе значение имени "писатель" как бы "просвечивает" сквозь реализованное первое значение. Таким образом проявляется *диффузное строение семантики многозначного слова.*

Фрагмент семантического узора, создаваемого в нашем случае глаголом "писать" (в двойном употреблении) и именем существительным "писатель", будет таким: письмо не было написано потому, что любые тексты составляются или людьми, профессионально занимающимися литературной деятельностью, или людьми, легко и охотно пишущими, что участнику данного диалога, по всей видимости, несвойственно. Перед нами - пример простейшего каламбура, игры смыслов. И не последнюю роль в таком смысловом построении играет *созвучие и семантическая преемственность однокоренных глагола и имени.* Для того, чтобы убедиться в этом, попробуем произвести подстановку синонимов глагола "писать" и имени существительного "писатель". Глагол "писать" входит в синонимический ряд:

-ПИСАТЬ - СОЧИНЯТЬ - СЛАГАТЬ - СКЛАДЫВАТЬ - КРОПАТЬ - СТРЯПАТЬ - МАРАТЬ -.

Видно, что ни у одного из приведенных синонимов нет тех значений, которые реализованы в тексте и были определены нами ранее. Глагол "писать" использован в нашем случае не в значении "сочинять". И это обстоятельство существенно корректирует семантические возможности имени существительного "писатель": воспринимая его в значении "лицо, профессионально занимающееся литературной деятельностью", мы, тем не менее, ощущаем какое-то ненавязчивое нарушение общей логики повествования и начинаем чувствовать "подкладку" в виде второго значения имени - "человек, легко и охотно пишущий". Так, предваряя имя, глагол задает его (имени) семантический объем.

Вернемся к попытке подстановки, и, если невозможно заменить глагол ни одним из его синонимов, попробуем использовать синонимы имени. Синонимический ряд, в который входит имя существительное "писатель", будет следующим:

-ПИСАТЕЛЬ - БЕЛЛЕТРИСТ - СОЧИНИТЕЛЬ - ЛИТЕРАТОР- АВТОР-.

Рассмотрим значения синонимов ряда.

БЕЛЛЕТРИСТ - Автор беллетристических произведений.

В значении данного имени имеются семы "автор", "произведение", причем, жанр сужен - на это указывает сема "беллетристический". Сема "профессионально" отсутствует.

СОЧИНИТЕЛЬ - 1. Литератор, писатель.

2. Человек, сочинивший что-л.

3. Выдумщик, лгун (пренебр.)

Первое значение данного синонима совпадает со значением употребленного в тексте имени "писатель", на которое даже имеется ссылка в дефиниции. Второе значение существительного "сочинитель", в принципе, не противоречит значению наименования деятеля в нашем случае, но включает в себя оттенок одиночности действия, передаваемый семой "сочинивший". Третье значение интересно своими коннотациями, возможно,

нежелательными в рассматриваемом дискурсе. Есть предположение, что при использовании данного синонима коннотации будут "просвечивать", как это случилось со вторым значением имени "писатель".

ЛИТЕРАТОР - Писатель, человек, профессионально занимающийся литературным трудом.

Значение данного существительного практически совпадает со значением "писатель", если не считать более широкий семантический спектр, свойственный последнему благодаря соотношению с производящим глаголом и наличию второго значения.

АВТОР - Творец, составитель, создатель произведения.

В семантическом наборе представлена сема объекта действия или деятельности, но нет указания на профессионализм этой деятельности, за счет чего можно предположить, что деятельность эта случайная, не повторяющаяся.

Понятийная основа дискурса не изменилась бы в случае замены слова "писатель" синонимами "беллетрист", "литератор", "сочинитель", но при этом совершенно *исчезает задуманный автором подтекст,* существование которого подсказывается и созвучием родственных глагола и имени. И связано это с тем, что синонимы, объединяясь в ряд на основе *обозначения ими общего понятия*, в тексте проявляют *различные смыслообразующие свойства*. Особенно богаты такими свойствами доминанты рядов, как наиболее нейтральные и "широкоспектральные" в области семантики единицы ряда. Доминанты легче всего "обрастают" речевыми смыслами, имея для этого больший потенциал. Нарушение внутренних семантических взаимосвязей и взаимозависимостей в дискурсе (в случае замены одного из компонентов) и является причиной невозможности или нежелательности замен.

Сами по себе имена существительные со значением исполнителя действия и их отношения с производящими глаголами представляют большой интерес для русской лексикологии и грамматики. Появление их в русском языке нельзя назвать регулярным, хотя *в стереотипе мышления есть своеобразная парадигма действия*, включающая в себя категории субъекта, объекта, инструмента действия. Для сравнения скажем, что в английском языке, к примеру, имя деятеля может быть образовано от любого глагола и одним и тем же способом. В связи с этим можно говорить о существовании в системе английского языка так называемой категории агентивности. Формы данной категории выступают в виде глаголов, с одной стороны, и имен, образованных посредством агентивного суффикса от основ этих глаголов, с другой стороны. Средства образования имен-наименований деятеля в русском языке, хотя и перечислены в литературе, гораздо более многообразны и, соответственно, менее стандартны, чем в английском. К тому же наименования исполнителя действия образуются не от всех глаголов, иногда функции этих наименований выполняют действительные

причастия настоящего времени. Подобная английской категория агентивности присутствует и в русском языке, но как-то скрыто, подспудно, во всяком случае, генетическая информация об этой категории хранится где-то в тайниках русской грамматики.

В значении имен существительных - субъектов действия могут быть заложены оттенки семантики *отношения субъекта к осуществляемому действию*. А именно, исполнитель может действовать: а) *профессионально*, б) *по склонности* или желанию, не являясь, однако, профессионалом и в) случайно, только *в момент, о котором идет речь* (в этом случае имя-деятель может быть без труда заменено действительным причастием). Названные три подзначения могут встречаться в разных комбинациях в пределах семантической структуры одного и того же имени. В рамках конкретного дискурса могут актуализироваться или, наоборот, нейтрализоваться семы того или иного отношения субъекта к исполняемому действию. К сказанному добавим, что в английском языке любое существительное со значением деятеля может быть употреблено в любом из названных трех значений, тогда как в русском языке эти смысловые нагрузки варьируются от слова к слову в зависимости от способа образования имени, значения использованного для его образования аффикса, наличия в языке имен со сходными значениями (синонимов) и традиционного распределения функций в синонимическом ряду.

Рассмотрим еще один пример:

"Есть два рода писателей. Одни пишут себя, другие - своих персонажей." (Инна Гофф. Из записных книжек.)

Ранее мы рассматривали пару "писать - писатель". Там глагол предварял имя в тексте. Интересно сопоставить рассмотренный нами случай с другим, в котором первым в тексте появляется производное имя. Не будем повторяться и снова указывать значения полисемантов, употребленных в дискурсе. Выпишем сразу значения, реализованные в настоящем отрывке:

ПИСАТЕЛЬ - слово употреблено в первом значении -
"лицо, профессионально занимающееся литературной деятельностью".

Имя со значением деятеля, таким образом, сразу ставит нас перед фактом, что действие, о котором может пойти речь дальше, является обычным, частым, привычным и т.п. - то есть связано с постоянной *профессией* субъекта. Действительно, глагол "писать" использован далее в форме настоящего времени, что соответствует пониманию, ощущению действия "вообще", вне какого-либо ограниченного отрезка или промежутка времени. Профессиональная деятельность *подразумевает* не только постоянство и длительность, но и мастерство, качество, опыт осуществления данного действия. Эти *характеристики возникают* в смысловом построении текста *прежде, чем появляется глагол. Производное имя частично уже задало значение ожидаемого глагола.* Если прогнозы оправдаются, то

произойдет семантическое воссоединение двух компонентов единства "действие - деятель", гармония смысла даст эффект четкости и объемности мысли. Если же значение глагола в дискурсе не будет соответствовать имеющейся именной установке, то возникнет алогизм, который позволит создать эффект каламбура или иронии.

У глагола "писать" в тексте появляется новый смысл, интересно включающийся в общий семантический рисунок:

"Изображать (себя или своих персонажей)". Этот смысл рождается на основе стержневых сем глагола - полисеманта.

Семы, закрепленные в системе языка, развиваются в конкретном тексте. Но их яркое и полное развертывание становится возможным *благодаря предваряющему глагол имени.* Благодаря существительному "писатель" были заданы "смысловые контуры" действия, его характер и качество. Прогноз, данный именем, подтверждается (так как смысл, передаваемый глаголом, не противоречит заявленному именем), но при этом возникает неожиданный оттенок: *литературная деятельность как профессия заключается в "изображении"* (и поэтому сродни занятию живописью?). Именно такой аккорд смыслов звучит при совмещении семантики, взаимном смысловом дополнении глагола и имени.

Что изменилось бы в смысловой картине дискурса, если бы мы воспользовались синонимами глагола или имени? Глаголы из синонимического ряда с доминантой "ПИСАТЬ" - "слагать" и "складывать" - имеют в своем значении сему, ограничивающую жанр деятельности, обозначенной данным рядом, - рамками былин, песен или стихов. Замена глаголами "кропать", "стряпать", "марать" тоже совершенно невозможна из-за известных коннотаций, не входящих в замысел автора. Может быть, для подстановки подошел бы синоним "сочинять" во 2-ом своем значении - "выдумывать, придумывать"? Но в паре "писатель сочиняет" нет "смысловых красок", рисующих образ "писателя-живописца"! Таким образом, замена здесь нежелательна по причине *неповторимости игры смыслов,* возникающих между глаголом "писать" и именем "писатель". Что касается синонимов имени, то среди них также не найдется ни одного, который бы смог заменить в данном дискурсе существительное "писатель". "Сочинитель" имеет более узкую семантику, чем "писатель" и "просвечивающие" семы "выдумщик", "лгун", формирующие третье значение. Все это затрудняет и искажает предварительное смысловое прогнозирование, легко осуществляемое при помощи имени "писатель". В значении имени существительного "автор" отсутствует сема "профессионально", это же справедливо и для синонима "беллетрист", семантика которого, ко всему прочему, сужена ссылкой на жанр. Наиболее всего для замены подошел бы синоним "литератор":

ЛИТЕРАТОР- Писатель, человек профессионально занимающийся литературным трудом.

И все же "писатель пишет" и "литератор пишет" - это отнюдь не одно и то же. Почему? По какой причине два одинаково толкуемых словарями существительных так неодинаково ведут себя по отношению к семантике текста? Думается, что причин несколько. Во-первых, имя "писатель" - доминанта ряда, следовательно, "речевой опыт" его богаче, чем у других синонимичных имен. Во-вторых, существительное "писатель" имеет более насыщенную палитру значений: через его первое значение "просвечивает" второе - "человек, легко и охотно пишущий", что, безусловно, меняет смысловое звучание. В-третьих, у существительного "литератор" нет глагола - "источника" и, вероятно, это тоже немаловажно. Ну и наконец - "писатель пишет" - это пара слов, объединенных родством и внутренней формы, и внешнего представления.

Примечания

1. Николаев Г.А., Литвина Т.А. Языковые и текстовые особенности «Жития Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев»// Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.-18. Jahrhunderts. С. 317-318.
2. Там же.
3. Николаев Г.А. Заметки о языке старославянских памятников «Киевские глаголические листки»// Slavistische Studien zum XII. Internationaken Slavisten – Kongreß in Krakau 1998. С. 327.

Е.В. Наумова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТЕ

Функциональный подход к исследованию языковых явлений - одна из основных тенденций в лингвистике последних десятилетий. Указанное направление лингвистики, представляющее собой естественное продолжение и развитие семантико-структурного описания языка, позволяет исследовать языковые единицы в реальных фактах коммуникации, в речи, в тексте. В данной статье предлагаются результаты функционального анализа фразеологических единиц (ФЕ) в художественном тексте.

В тексте ФЕ теряют относительную самостоятельность, полностью подчиняясь целям и задачам содержания, что отражается на семантике и форме ФЕ. Особенно актуально подобное исследование для художественного текста в связи с тем, что в художественном произведении системная взаимосвязь языковых единиц как составных элементов целого обусловливает реализацию идейно-образного содержания и выполняет эстетическую функцию. Именно поэтому анализ художественного текста как целостного произведения искусства включает исследование плана

выражения (лингвистический аспект) и плана содержания (литературоведческий аспект). Методика рассмотрения отдельно идейного содержания и художественных особенностей с гипертрофированным вниманием к идейному содержанию, по справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, зиждется на непонимании основ искусства [1].

В условиях специально организованного контекста, где каждая языковая единица тщательно отбирается автором из ряда возможных языковых вариантов, увеличивается содержание языковых единиц: они получают дополнительные текстовые функции. Извлечение этого дополнительного смысла языковых единиц из текста - одна из основных задач интерпретации художественного произведения, т. к. это помогает глубже понять идейно-художественный замысел автора.

В статье предлагается анализ идейно-смыслового и эмоционально-эстетического содержания повести М. Булгакова «Собачье сердце» через исследование текстовой функции ФЕ, являющихся компонентами языковой организации произведения, в речи персонажей.

«Собачье сердце» - это шедевр булгаковской сатиры, написанный в январе - марте 1925 г. Однако напечатана в России впервые повесть была лишь в 1987 г. Объяснением столь долгого «пути» произведения к читателю может служить письменное донесение одного из осведомителей ГПУ 1925 г. Вот что он сообщает: «Вся вещь написана во враждебном к Совстрою тонах... Булгаков определенно ненавидит и презирает весь Совстрой, отрицает все его достижения... Есть верный, строгий и зоркий страж у Соввласти, это - Главлит, и если мое мнение не расходится с его, то эта книга света не увидит» [2]. Вопреки столь упрощенному представлению о содержании повести, «Собачье сердце» - это многоплановая сатирическая фантастика. Интерпретация этого произведения читателем может определяться как его индивидуальными особенностями, так и своеобразием времени. Лингвистический анализ языковых единиц и их взаимодействия служит более объективным средством выявления авторского замысла. В своей статье мы приводим результаты анализа текстовой функции ФЕ в речи персонажей повести, который наряду с анализом функций других языковых единиц позволяет глубже понять идейное содержание этого произведения.

Речевая характеристика персонажей позволяет выявить их особенности. Наиболее частотно употребление ФЕ в речи профессора Преображенского. В его высказываниях встречается 17 ФЕ. Следует отметить, что более 50% из них (10) содержат в своем составе компонент *черт* или его эквивалент *дьявол*. Даже в том случае, когда ФЕ имеет языковой вариант, содержащий/ не содержащий этот компонент (например, *бог знает/черт знает* [3]), автор выбирает ФЕ последний. Безусловно, что это намеренное использование. В повести М. Булгакова нет ничего случайного или лишнего. Подбор всех языковых единиц строго продуман. Все ФЕ, содержащие компонент *черт/дьявол*, вне контекста имеют

междометное значение: служат обобщенным выражением отрицательных эмоций: *кой [какой] черт* - 'выражение сильного раздражения, неудовольствия' [3]; *Черт возьми!* - 'восклицание, выражающее негодование, возмущение, удивление' [3]; *Черт знает что такое!* - 'выражение возмущения, негодования, крайнего недоумения по поводу чего-либо' [3]; *на кой [какой] черт [дьявол]?* - 'Зачем, для чего?' [3] (несмотря на то, что в словаре не указано наличие эмотивной семы в этой ФЕ, мы полагаем, что она заложена имплицитно). В тексте повести эти ФЕ сохраняют свои языковые значения: ***На какого черта*** *убрали цветы с площадок* [2]; *Никакой контрреволюции. Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу. Абсолютно не известно - что под ним скрывается?* ***Черт его знает!*** [2]; *Он подбородком лег на край стола, двумя пальцами раздвинул правое веко пса, заглянул в явно умирающий глаз и молвил: - Вот,* ***черт возьми****. Не издох.* [2]; *«Сим удостоверяю...»* ***Черт знает что такое****... Гм... «Предъявитель сего - человек, полученный при лабораторном опыте...»* [2]; *Филипп Филиппович постучал костяшкой пальца в дверь и крикнул; - Сию минуту извольте выйти! Зачем вы заперлись? -Гу-гу! - жалобно ответил голос Шарикова. -* ***Какого черта****!... Не слышу, закройте воду* [2]; *- Вы, - продолжал Филипп Филиппович, - просто нахал. Как вы смеете это говорить! Вы все это учинили и еще позволяете себе... Да нет!* ***Это черт знает что такое****!* [2]; *Ведь это же дурная наследственность. Пакостнее и представить себе ничего нельзя. Впрочем, виноват, у меня еще хуже. Отец - кафедральный протоиерей. Мерси. От Севильи до Гренады...в тихом сумраке ночей... вот,* ***черт ее возьми*** [2]; ***Черт возьми****... Ведь я пять лет сидел, выковыривая придатки из мозгов* [2]; *Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящего. Но* ***на какого дьявола****? - спрашивается* [2]. Все эти ФЕ, взаимодействуя друг с другом в системе текста, выполняют особую текстовую функцию. Дело в том, что по религиозным традициям *черт* - это источник всех бед и несчастий. Интересную в этом плане информацию дают В.П. Фелицына и В.М.Мокиенко: «Предводителем сил зла, основным противником Бога и врагом спасения человечества считался дьявол, которого христиане называли также сатаной, Вельзевулом, злым духом, князем тьмы, лукавым и нечистым. В славянской языческой мифологии существовала целая «табель о рангах» чертей, в соответствии с которой каждый из них занимал свое место; леший (от лес) - был «хозяином леса»; домовой - покровитель и хранитель домашнего очага; болотяник селился в болоте и т.д. Постепенно эти различия забылись, и сейчас наименования чертей во фразеологии употребляются как синонимы» [4]. Создаваемая автором в тексте повторяемость ФЕ зрительно ощутима, останавливает внимание, и, как следствие, способствует выявлению дополнительного смысла. Привлекая другие элементы языковой структуры текста, попытаемся интерпретировать частотное употребление ФЕ с компонентом *черт/дьявол*. В

тексте профессор Преображенский, столп генетики и евгеники, в дневнике доктора Борменталя приравнивается к Творцу: «Новая область открывается в науке: безо всякой реторты Фауста создан гомункул. Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу. Проф. Преображенский, вы - творец!» [2]. Не случайно указано и время проведения опыта по превращению Шарика в Шарикова - 28 декабря - 12 января 1925г., что создает параллель с праздником Рождества (рождения Христа).Однако М. Булгаков представляет попытку создания улучшенной человеческой природы как заблуждение, как ошибку науки. Именно в этом контексте ФЕ призваны усилить и подчеркнуть эту авторскую мысль о том, что научная деятельность профессора Преображенского (даже фамилия персонажа является говорящей) ложная, дьявольская. На бесовский характер опыта ученого указывает и сравнение Преображенского с Фаустом, продавшим душу Мефистофелю. Насильственное научное экспериментирование над природой приводит к трагедии. Полученный гомункул Шариков - алкоголик, подлец, демагог, один из худших представителей рода человеческого. Свою ошибку понимает и сам профессор Преображенский: «Зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова своего знаменитого! Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар» [2].

Особую актуальность пророческое предвидение М. Булгакова в повести «Собачье сердце» приобрело в начале XXI в., когда научный эксперимент над живой природой - клонирование - привел к созданию искусственных существ. В центре внимания человечества опять оказались нравственные и этические проблемы, связанные с генетикой.

Особую текстовую функцию выполняют ФЕ и в речевой характеристике таких персонажей, как Шарик и Шариков. Необходимо отметить, что во внутренних монологах Шарика использовано 13 ФЕ, в речи Шарикова - 3 ФЕ.

ФЕ, использованные автором во внутренних монологах пса, разнообразны по тематическим группам и позволяют характеризовать Шарика с разных сторон. Так, в монологах Шарика представлены ФЕ речи и мысли, что позволяет «очеловечить» пса, приблизить его к человеческой личности: *Что они там вытворяют в нормальном питании - **уму собачьему непостижимо.** Ведь они же, мерзавцы, из вонючей солонины щи варят* [2]; *За вами идти? Да **на край света**. Пинайте меня вашими фетровыми ботинками, я **слова не вымолвлю*** [2]; *Шарик **света не взвидел** при мысли, что богатый чудак, подбирающий раненых псов в подворотне , чего доброго, и этого вора прихватит с собой*[2]. В тексте исходная ФЕ *уму непостижимо* - ‘совершенно непонятно, необъяснимо’ [3] подвергается трансформации под влиянием контекста: вводится дополнительный компонент *собачьему*,

позволяющий индивидуализировать значение ФЕ. Подчеркивается, что пес - существо мыслящее, думающее, анализирующее, если можно так сказать, почти человек. В монологе Шарика встречается и книжная ФЕ, подчеркивающая его «образованность»: *Запах от блюда шел такой, что рот пса немедленно наполнился жидкой слюной. «**Сады Семирамиды**»! - подумал он* [2]. Пес Шарик с помощью ФЕ выражает свою оценку событий, людей, передает свои эмоции: *«Господи Иисусе, - подумал пес, - **вот так фрукт!»***[2]; *Неужели же жить оставит? Вот так чудак? Да ему **только глазом моргнуть**, он таким бы псом обзавелся, что ахнуть?*[2]; *«Он бы прямо на митингах мог деньги зарабатывать, - мутно мечтал пес, - первоклассный деляга. Впрочем, у него и так, по-видимому, **денег куры не клюют**»* [2]. Использование указанных ФЕ в речи пса создает образ мыслящего, наблюдательного, иронического персонажа, вызывающего симпатии.

Соединение Шарика по воле Преображенского с деградировавшей личностью Клима Чугункина приводит к деформации «личности» Шарика. Эти изменения находят отражение и в речевой характеристике персонажа. В репликах Шарикова использовано всего 3 ФЕ. 2 из них имеют грубо просторечный характер: *На учет возьмусь, а воевать - **шиш с маслом***[2]; *Шариков, шатаясь и прилипая к шубам, бормотал насчет того, что личности ему неизвестны, что они **не сукины дети** какие-нибудь, а - хорошие* [2]. Речь грубая, вульгарная. Интересно в этом плане наблюдение Борменталя из дневника: «Ругается. Ругань эта методическая, беспрерывная и, по-видимому, совершенно бессмысленная. Она носит несколько фонографический характер: как будто это существо где-то раньше слышало бранные слова, автоматически, подсознательно занесло их в свой мозг и теперь изрыгивает их пачками»[2]. Это явно контрастирует с монологами Шарика. Одна ФЕ в речи Шарикова имеет общеупотребительный характер, но использована она в трансформированном виде: *Шариков пропал и через минуту вновь появился в окошке. - **Ни пса не видно**, - в ужасе пролаял он в окно* [2]. Замена компонента *зги* во ФЕ *ни зги не видно* на *пса* обусловлено контекстом: после операции Шариков какое-то время частично сохранял «собачье мышление», что и подчеркивает автор с помощью видоизменения ФЕ. Образы Шарика и Шарикова неразрывны, они взаимно дополняют и поясняют друг друга. Деградация личности Шарика после превращения в Шарикова нашла отражение в примитивности мышления и грубости речи. Так, движение авторской мысли от умного, «человечного» пса к мерзкому, подлому Шарикову сопровождается изменением речевой характеристики героев, что несет в себе художественную оценку персонажей автором.

Таким образом, через речевую характеристику (использование ФЕ), через речевую полифонию выявляется основная идея повести: человек - существо общественное, проведение научных генетических, равно как и социальных, экспериментов над которым ведет к разрушению, подавлению

личности, ее деформации. Подобный лингвистический анализ, направленный на выявление текстовой функции использованных языковых единиц, в частности ФЕ, позволяет глубже осмыслить идейное содержание произведения.

Примечания

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
2. Булгаков М.А. Дьяволиада. Ранняя сатирическая проза /Сост., вступ. статья и примеч. В.И. Сахарова. М., 2000.
3. Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И. Молоткова. М., 1987.
4. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русский фразеологический словарь. М., 1999.

О.А. Пацюкова

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ АСИММЕТРИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСОМ *РАЗ-* КАК ИСТОЧНИК ИХ ИДИОМАТИЧНОСТИ

Словообразовательный тип глаголов с префиксом раз- имеет значение 'аннулировать результат действия, названного мотивирующим глаголом'. Таким образом, приставка имеет значение, по смыслу противоположное значению исходного (беспрефиксного) глагола, поэтому в структуре производного с аннулирующим значением устанавливаются внутриморфемные отношения противоположности.

Бесприставочные глаголы, мотивирующие производные с префиксом раз-, являются глаголами несовершенного вида, поэтому они не содержат в своей семантике значения *результата* действия. В производных же глаголах, которые обозначают 'аннулировать *результат* действия, выраженного мотивирующим глаголом', сема *результативности* имеется, но она формально не выражена ни приставкой, на долю которой приходится лишь значение 'аннулировать', ни исходным глаголом несовершенного вида. Следовательно, семантический компонент результативности, не находящий своего формального воплощения, составляет идиоматическое приращение в лексическом значении производных глаголов.

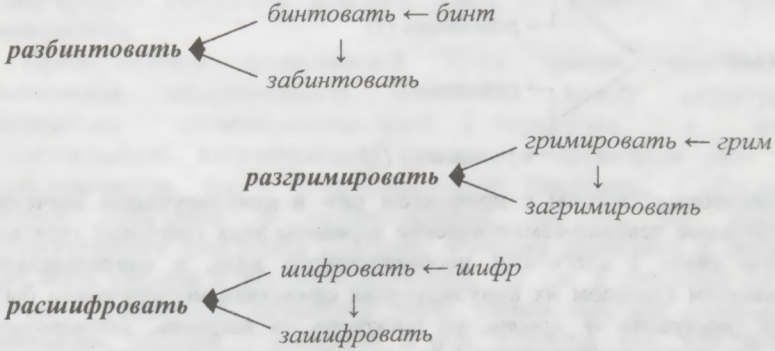
Причина, порождающая идиоматичность в производных с префиксом раз-, кроется в неоднородном характере соотносительности префиксальных глаголов аннулирующего воздействия с родственными глаголами несовершенного вида и приставочными глаголами со значением положительного результата.

В системе русского словообразования существует немало случаев того или иного нарушения структурно-семантической соотносительности

мотивирующих и мотивируемых слов, поэтому уже давно обращено внимание на необходимость различения производности по форме и производности по смыслу. Глаголы с префиксом раз- характеризуются несовпадением словообразовательной и семантической мотивации.

Со словообразовательной точки зрения они мотивируются однокоренными бесприставочными глаголами несовершенного вида: *разбинтовать* ← *бинтовать*, *разгримировать* ← *гримировать*, *расшифровать* ← *шифровать* и т.д. Эти словообразовательные пары являются звеном словообразовательной цепочки, так как мотивирующие бесприставочные глаголы в большинстве своем являются отыменными: *разбинтовать* ← *бинтовать* ← *бинт*, *разгримировать* ← *гримировать* ← *грим*, *расшифровать* ← *шифровать* ← *шифр* и т.п. Находясь в отношениях последовательной производности, каждый член словообразовательной цепочки обладает большей формальной и семантической сложностью.

С семантической точки зрения картина мотивационных отношений производных с префиксом раз- сложнее. Глаголы со значением аннулирующего действия семантически связаны не только с беспрефиксными, но и префиксальными коррелятами со значением положительного результата действия. Поэтому отношения между глаголами представляют не словообразовательную цепочку, а словообразовательную парадигму, см. схему:

Наличие семантической соотносительности между аннулирующим глаголом и префиксальным глаголом со значением положительного результата очевидно. Доказательством этому служит следующее:

1. Семантика глаголов с префиксом раз- (’аннулировать *результат* предшествующего действия’) предполагает их соотнесенность с префиксальными глаголами совершенного вида, поскольку именно в последних зафиксирован *результат*, формально выраженный приставкой, в то время как у однокоренных бесприставочных глаголов результативность морфемно не выражена.

2. Тесная семантическая связь однокорневых глаголов-антонимов подчеркивается их параллельным употреблением в пределах одного контекста:

*Квартира была **запечатана**, и он **распечатал** ее и зашел к себе две минуты назад*... (В.А.Каверин. Два капитана)

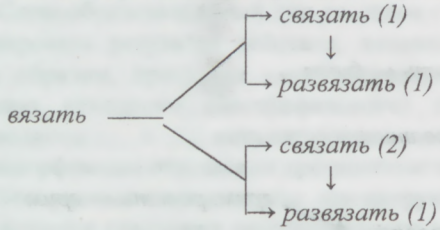
*— Прежде, бывало, я мог **согнуть** и **разогнуть** в одной руке медный пятак и лошадиную подкову.* (Н.В.Гоголь. Ночь перед Рождеством)

Об этом же свидетельствуют и индивидуально-авторские образования, которые создаются на основе контекстного антонимического отталкивания:

*Заведующий отделом был так **завален** работой, что не успевал ее **разваливать**.* (Из газеты)

3. Распространенная в словарных толкованиях практика определения аннулирующего значения производных глаголов с приставкой раз- посредством ссылки на префиксальный глагол.

4. Многозначные производные с префиксом раз- мотивируются разными значениями антонимичного приставочного глагола совершенного вида, которые, однако, мотивированы одним и тем же лексико-семантическим вариантом исходного бесприставочного глагола:

5. Некоторые глаголы с префиксом раз- в аннулирующем значении (либо отдельные лексико-семантические варианты этих глаголов) утратили смысловую связь с глаголами несовершенного вида, а следовательно, беспрефиксным глаголом их аннулирующая семантика мотивирована быть не может (*раскрыть* ⊬ *крыть*, но *раскрыть* ↔ *закрыть; разморозить* [2.*Перен.* 'пускать в эксплуатацию'] ⊬ *морозить*, но *разморозить* [2.*Перен.*] ↔ *заморозить* [4.*Перен.* 'приостановить ход, развитие чего-либо']).

Таким образом, представленные в научной литературе два мнения относительно производности глаголов с префиксом раз- в аннулирующем значении отражают два разных типа отношений между родственными словами: 1) словообразовательные отношения (отношения двуединой структурно-семантической мотивации) и 2) лексико-семантические отношения.

Согласно первой точке зрения, глаголы с префиксом раз-мотивируются однокоренными бесприставочными глаголами:

грим
грим-ирова-ть
……..
за-гримировать
……
раз-гримировать [1]

Эта точка зрения традиционна, так как производные с префиксом раз- являются более сложными по сравнению с глаголами несовершенного вида как в формальном, так и в семантическом отношении.

Вторая точка зрения позволяет говорить о возможности образования глаголов с аннулирующей семантикой путем так называемой заменительной префиксации. Глаголы с префиксом раз- «мотивируются глаголами совершенного вида, означающими действие, результат которого аннулируется: *разгримировать* - 'аннулировать результат действия загримировать'… Значение этих префиксальных глаголов не определяется через значение однокорневых беспрефиксальных глаголов. Префиксы мотивирующих глаголов в этих глаголах, как правило, отсутствуют» [2]. Некоторые исследователи подвергают сомнению возможность образования слов путем отсечения одной приставки и присоединения другой. Это связано с тем, что, несмотря на большую семантическую сложность глаголов с префиксом раз-, по сравнению с антонимичными глаголами со значением положительного результата действия, здесь не выражено направление производности.

Придерживаясь традиционной точки зрения, отметим, что семантическая неоднородность отношений между структурными компонентами словообразовательной парадигмы, а именно: соотносительность аннулирующих глаголов с префиксом раз- как с бесприставочными, так и с приставочными глаголами, – обусловлена функцией приставки в префиксальных глаголах со значением предшествующего результата действия. Функция приставки в последних может быть сведена к перфективирующей, так как в толковых словарях различие в толковании семантики таких членов пар, как *бинтовать – забинтовать, низать – нанизать* и т.п. подается так, как если бы перечисленные пары представляли собой пары чистовидовые. Сравним формулировки лексического значения, приведенные в МАС [3]:

бинтовать
Обматывать, плотно обертывать бинтом, марлей и т.п.

забинтовать
Перевязывать, плотно обернув бинтом, марлей и т.п.

низать
Надевать, насаживать подряд на нитку, проволоку и т.п.

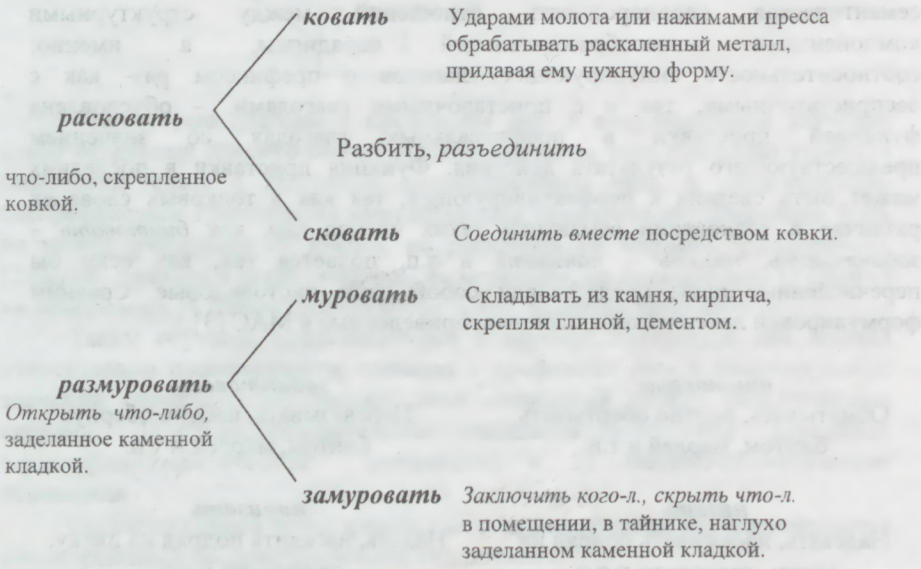
нанизать
Надеть, насадить подряд на нитку, проволоку и т.п.

Семантика членов пар фактически одинакова. Поскольку бесприставочный и соответствующий приставочный глаголы отличаются семантическим тождеством (в отвлечении от видовых различий), глагол с префиксом раз- может оцениваться как глагол в равной степени связанный как с бесприставочным, так и с глаголом, образованным другим префиксом.

Функция приставки может быть не только грамматической, но и словообразовательной:

ковать	***сковать***
Ударами молота или нажимами пресса обрабатывать раскаленный металл, придавая ему нужную форму.	*Соединить вместе* посредством ковки.
муровать	***замуровать***
Складывать из камня, кирпича, скрепляя глиной, цементом.	*Заключить кого-л., скрыть что-л. в помещении, в тайнике*, наглухо заделанном каменной кладкой.

Из приведенных примеров видно, что лексические значения бесприставочных и соответствующих им приставочных глаголов тождественными не являются. Поэтому аннулирующие глаголы с префиксом раз- не могут быть связаны с этими семантически мотивирующими глаголами в равной степени. Оставаясь словообразовательно мотивированными бесприставочными глаголами несовершенного вида, производные с префиксом раз- семантически теснее связаны с приставочными глаголами. См. схему:

Таким образом, будучи семантически связанными не только с бесприставочными глаголами несовершенного вида, обозначающими направленность процесса на результат, но и с соответствующими им глаголами совершенного вида, выражающими достижение результата действия, производные с префиксом раз- восполняют недостающую семантику производящих бесприставочных глаголов семантикой соотносительных приставочных глаголов, что и является источником идиоматичности производных с префиксом раз-.

Примечания

1. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С.370.
2. Русская грамматика. М., 1980. Т.I. С.370.
3. Словарь русского языка: В 4 т. /Гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981-1985.

Л.В. Рацибурская

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ СЛОВА С УНИКАЛЬНЫМИ МОРФЕМАМИ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Понятие словообразовательной парадигмы (СП) - одно из самых молодых в теории синхронного словообразования - получило обоснование в работах Е.А.Земской и А.Н. Тихонова. [1,2,3,4,5]. Возникновение данного понятия связано с поисками изоморфизма между строением разных подсистем языка, в частности, словообразования и морфологии: "Подобно тому, как словоформы склонения и спряжения образуют морфологические парадигмы, совокупность производных от одного и того же слова образует его словообразовательную парадигму" [2]. Если в морфологии парадигму создают чередующиеся флексии, то в словообразовании - чередующиеся аффиксы. И морфологическая парадигма, и словообразовательная парадигма - группировки образований, связанных между собой общностью корня, группировки упорядоченные, отражающие объективно существующие в языке связи. Таким образом, на определенном уровне абстракции две сопоставляемые единицы могут рассматриваться как изоморфные. Обе они представляют структурно-семантические модификации единицы, принимаемой за исходную.

Несмотря на различия в понимании словообразовательных парадигм, большинство ученых вслед за Е.А. Земской определяет словообразовательную парадигму как "совокупность производных, имеющих

одну и ту же производящую основу и находящихся на одной и той же ступени словопроизводства"[6]. Так, одну словообразовательную парадигму составляют производные существительного *царь: царек, царик, царишка, царица, царевич, царевна, царенок, царизм, царствие, царство, царев, царский, царственный, царевать, царить, царствовать, царедворец, цареубийство, цареубийца, царь-девица, царь-колокол, царь-пушка.*

В отличие от морфологических парадигм, которые характеризуются лексическим тождеством своих членов и высокой степенью регулярности, словообразовательные парадигмы имеют различия в наборе и характере производных и меньшую степень регулярности, что объясняется большей зависимостью словообразовательной парадигмы от лексической семантики. Словообразовательные парадигмы не обладают постоянным набором значений, точным числом семантических мест. Одно и то же словообразовательное значение в СП может выражаться при помощи нескольких формантов (*цар-ек и цар-ик*).

Словообразовательные парадигмы различаются по степени абстракции. Конкретные словообразовательные парадигмы объединяются в типовые (ТСП): "... типовую парадигму формируют конкретные парадигмы, в которых представлен один и тот же набор деривационных значений" [2]. Таким образом, типовая парадигма - единица, полученная в результате отвлечения от конкретных способов выражения тех или иных деривационных значений. К ТСП относятся, например, все конкретные парадигмы названий животных, растений, прилагательных цвета, глаголов звучания и т.п., т.е. парадигмы с одинаковым или близким набором семантических мест. Семантическую основу ТСП составляют словообразовательные значения. Одно и то же словообразовательное значение в разных СП, входящих в одну ТСП, может выражаться различными формантами. Производные с одним и тем же словообразовательным значением, но разными формальными показателями занимают в ТСП одну и ту же позицию (*син-ев-а, черн-от-а, бел-изн-а* - существительные со значением отвлеченного признака). Набор производных в ТСП полностью не совпадает с набором производных ни одной конкретной парадигмы, так как ТСП представляет собой обобщение всех существующих в языке СП определенной структуры (ср. СП прилагательных "вкусовой" семантики *горький, кислый, сладкий, соленый*).

Кроме конкретных СП, которые имеют регулярный характер и могут объединяться в ТСП, существуют парадигмы единичные, уникальные. К ним, в частности, относятся СП, включающие слова с уникальными морфемами (*аплод-исмент-ы, власт-елин, дет-вор-а, корол-ев-а, люб-овь, патрон-таш, поп-адь/j-а/, почт-альон, почт-амт, скуп-ердяй, стекл-ярус, солда-фон, тих-он-я* и др.). Вопрос о статусе подобных СП, их месте в системе словообразовательных парадигм, их отношении к типовым СП является спорным в современной лингвистике. Одни исследователи считают данные парадигмы индивидуальными, не поддающимися какому-либо обобщению.

Другие признают в принципе возможным включать их в состав ТСП. Последнее решение представляется целесообразным, тем более что СП, содержащие слова с уникальными морфемами, могут быть охарактеризованы по тем же параметрам, что и СП со словами типовой структуры.

Так, единичные, нерегулярные СП, как и регулярные СП, различаются по своей величине (количеству членов), протяженности (количеству блоков и семантических мест), глубине (количеству слов, занимающих одно семантическое место). Количество членов рассматриваемых СП колеблется от нескольких единиц (*гол - голкипер, голкиперский*) до нескольких десятков (ср. СП, включающие слова с уникальными суффиксами *любовь, стеклярус, тихоня*). Количество членов СП зависит от деривационных возможностей исходного слова, оно обратно пропорционально ступени деривации и уменьшается по мере увеличения расстояния, удаления от вершины гнезда. Так, в словообразовательном гнезде с исходным словом *стекло* на первой ступени СП имеет 64 члена, в том числе и слово с уникальным суффиксом *стеклярус*, а на второй ступени СП имеют от двух до шести членов.

Словообразовательные парадигмы, включающие слова с уникальными морфемами, различаются также по протяженности - составу и количеству входящих в них блоков, которые образуются словами одной и той же части речи [7]. Преобладают гетерогенные СП, представленные разными блоками: субстантивным и адъективным (*солдат - солдатик, солдатушка, солдатишка, солдатище, солдатня, солдатство, солдатье, солдатчина, солдафон; солдатский, солдатов*), субстантивным и глагольным (*аплодировать - аплодирование, аплодисменты; зааплодировать, поаплодировать*), субстантивным, адъективным и глагольным (*власть - властелин, многовластие, народовластие, троевластие, чужевластие; властный, безвластный, подвластный, властолюбивый, всевластный, двоевластный, единовластный, полновластный, самовластный, своевластный; властвовать*), субстантивным, адъективным, глагольным и наречным (*скупой - скупость, скупец, скупердяй, скупердяга; скуповатый, скупенький, скупехонький, прескупой; скупиться; скупо*). Вместе с тем встречаются и гомогенные СП, состоящие из одного блока. Так, СП со словом единичной структуры *кафетерий* представлена только существительными: *кафе - кафетерий, кафе-закусочная, кафе-концерт, кафе-ресторан, кафе-столовая, кафешантан*. Количество семантических мест в блоках варьируется от одного (*скупой - скупо*) до нескольких десятков (ср. блоки в СП, включающей слово нетиповой структуры *кунсткамера*).

Словообразовательные парадигмы, содержащие слова с уникальными морфемами, различаются и по своей глубине - количеству слов, приходящихся на одно семантическое место [7]. Количество семантических мест в подобных нерегулярных СП, как и в СП регулярных, не всегда соответствует количеству членов СП: одно и то же место может быть занято несколькими словами - словом с регулярной и словом с уникальной

морфемой (ср.: *скуп-ец и скуп-ердяй* со значением носителя признака, *патрон-ниц-а и патрон-таш* со значением вместилища). Наличие таких семантических аналогов в пределах одной СП свидетельствует о функционально-семантической близости слов с уникальными морфемами словам типовой структуры, с одной стороны, и единичных парадигм парадигмам регулярным, с другой.

Таким образом, если не принимать во внимание формальную уникальность словообразовательного средства, то словообразовательные парадигмы, содержащие слова с уникальными морфемами, наряду с регулярными парадигмами можно включать в состав типовых СП при наличии сходного набора семантических мест. Так, в одну ТСП могут быть объединены регулярная СП слова *царь* и нерегулярные СП слов *король, поп*, имеющие слова с уникальными морфемами *королева, попадья*: *король - королек, королева, королевич, королевна, королевство, королев, королевский, вице-король; поп - попик, попишка, попадья, попович, поповна, поповка, попенок, поповец, поповство, поповщина, попов, поповский, беспоповец, беспоповщина, поповствовать, беглопоповец, протопоп, распоп.* Нерегулярная СП слова *почта*, включающая слова уникальной структуры *почтальон и почтамт*, может рассматриваться в составе ТСП с исходными словами *аптека, библиотека* и т.п., о чем свидетельствует совпадение семантических мест: *почтальон и аптекарь, библиотекарь; почтовый и аптечный, библиотечный.*

Некоторые исследователи, в частности, Е.А.Земская, не включают семантические места, занятые словами с уникальными морфемными частями, в типовую СП из-за семантической аномальности подобных частей и уникальности и тем самым асистемности их формальной стороны. Так, в типовую СП с исходными словами лексико-семантической группы 'учреждение' *(аптека, завод, музей, почта, театр* и т.п.) не включается слово *почтамт* с уникальной частью *-амт* и семантикой 'главное учреждение', поскольку данное словообразовательное значение не представлено в других словах, т.е. в системе словообразовательных значений современного русского языка оно является семантической аномалией. Кроме того, средство выражения данного значения уникально, оно не является полноценным аффиксом и, таким образом, асистемно в плане выражения. То же самое относится к слову *стеклярус* с унификсом *-'арус*, обозначающему предмет, сделанный из стекла и предназначенный для изготовления украшений. Подобное словообразовательное значение 'название предмета по материалу с указанием его предназначения (для изготовления украшений) ', по мнению Е.А.Земской, не встречается в других словах русского языка. Отсюда Е.А.Земская делает вывод, что указанные семантические места не имеют права на вхождение в типовую словообразовательную парадигму, так как они арегулярны, не заданы словообразовательной системой языка,

поскольку система словообразования не предполагает появления таких членов у иных базовых слов ЛСГ 'учреждение' и ЛСГ 'материалы' [8].

Вместе с тем, как отмечают некоторые исследователи, и в частности, И.А.Ширшов, слово с уникальной частью в составе СП ведет себя так же, как и слово с регулярным словообразовательным средством. Производное с повторяющимся форманантом находится со своим производящим в отношениях пропорциональной оппозиции (ср.: *бегать - бегун, лгать - лгун, прыгать - прыгун* и т.д.), тогда как производное с единичным словообразовательным средством находится со своим производящим в отношениях изолированной оппозиции: изолированные оппозиции включают всего одну словообразовательную пару. В то же время в основе словообразовательной парадигмы лежит принцип привативности, при котором каждый из членов СП, имея общую, интегральную часть корневого характера с исходным словом гнезда, отличается от вершины гнезда своей дифференциальной формантной частью. В этом отношении пропорциональные и изолированные оппозиции выполняют сходные функции, формируя одну словообразовательную парадигму на основе привативных связей в гнезде. Таким образом, для словообразовательной парадигмы не важно, обладает ли формант повторяемостью в системе языка или не обладает: слово с единичным формантом, как и слово с регулярным формантом, встречается в составе СП только один раз [9]. Кроме того, слово с единичной частью, как и слова с повторяющимся формантом, находится с другими членами СП в эквиполентных отношениях, при которых члены СП логически равноправны, отличаясь от исходного слова на один формант.

Таким образом, для организации системных отношений оказывается не важным, каким словом занято то или иное семантическое место СП: словом с регулярной или с уникальной формантной частью. Слово с единичной частью в составе СП занимает системную позицию. Что же касается семантической асистемности слова с уникальной частью, то ее также нельзя признать бесспорной. Как правило, слова с уникальными аффиксами имеют деривационно-семантические аналоги той или иной степени абстракции в других СП, ср.: *детвора и братва, ребятня, зверье* с собирательным значением;*попадья и аптекарша, царица* со значением женскости; *почтальон и аптекарь, библиотекарь* со значением носителя предметного признака - лица по месту деятельности; *почтамт и генералиссимус* со значением предмета, находящегося в иерархическом отношении к другому предмету; *стеклярус и ватник, медяк* со значением носителя предметного признака - изделия по материалу. Подробные словообразовательно-семантические аналогии связаны с возможностями аффиксальной синонимии. Наличие у уникальных аффиксов семантических аффиксальных аналогов - синонимов среди неуникальных аффиксов свидетельствует о семантической близости данных единичных аффиксов регулярным морфемам.

Итак, несмотря на уникальность формальной стороны слов с уникальным аффиксом, их семантические связи со словами типовой структуры свидетельствуют о системной позиции рассматриваемых слов в словообразовательных парадигмах, которые, таким образом (при наличии соответствующего набора семантических мест), могут рассматриваться в составе типовых словообразовательных парадигм. Вместе с тем нетиповая, единичная структура слов с уникальными аффиксами обусловливает особое, периферийное положение словообразовательных парадигм, содержащих подобные слова, в словообразовательной системе языка.

Примечания

1. Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. М., 1978.
2. Земская Е.А. О комплексных единицах системы словообразования// Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978. С.31,32.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С.19.
4. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
6. Современный русский язык/ Под ред. В.А.Белошапковой. М.,1981. С.221.
7. Клобукова Л.П. Структура словообразовательных парадигм русских имен прилагательных: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1982.
8. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
9. Ширшов И.А. Типы производности слов в русском языке // Филологические науки. 1997. №5. С.57-58.

В.И. Роговцов

СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО КОМИЧЕСКОГО
(на материале белорусской драматургии)

Один из эффективных приемов создания комического в драматургической речи — использование стилистически сниженной лексики [1,2,3], связанной с экспрессией, выразительностью [4].

В белорусской драматургии эта лексика включает следующие две основные группы слов:

1. Разговорные слова, характеризующиеся образностью, яркой эмоционально-экспрессивной окраской: [Рыбнікаў (устае):] *Вось мы з табой і патанцавалі.* [Караневіч:] *Хопіць тут і без нас аматараў падлогу націраць.* (Позірк у бок Перагуда.) *Ногі лёгкія, галава таксама, — чаму ім не* ***выбрыкваць****!* (К. Крапіва. Проба агнём) [Марасян:] *Пайшлі на пралом, гады!*

Але мы не выпусцім іх! [Зімін:] *А яны што, назад просяцца?* [Марасян:] *Будуць прасіцца, калі* ***пеканём*** *з засады!* (К. Губарэвіч. Людзі і каменне) [Рыгор:] *Я заходзіў у вестыбюль інстытута, глядзеў расклад... У вас заняткі павінны былі скончыцца дзве гадзіны назад.* [Наташа:] *«****Уляпілі****» два лішнія семінары.* (А. Федарэнка. Багаты кватарант) Образность и выразительная эмоционально-экспрессивная оценочность выделенных глаголов обуславливается их внутренней формой: *выбрыкваць* —'проказничать, баловаться', *пеканём* — 'выстрелим', *уляпілі* — 'поставили'.

Некоторые разговорные слова употребляются в драматургической речи с узуально закрепленной за ними комической окраской: [Жур:] *Дачакаліся!* (З вуліцы чуваць шум аўтамашыны.) *Мабыць, ён!* (Падбягае да акна. Расчаравана.) *Не ён. Жонка яго на сваім* ***драндулеце*** *падкаціла...* (П. Васілеўскі. Любоў, Надзея, Вера...) *Драндулет — разг. шутл.* 'старый, разбитый автомобиль'.

2. Просторечные слова, которые в отличие от разговорных являются еще более стилистически сниженными (с отрицательной оценкой — неуважением, неодобрением и т. п.): [Сцяпан (закурваючы са злосцю люльку):] *Чорт яго бяры, не тут успамінаючы, — рабіў ці не рабіў. Знаць і бачыць не хачу яго ў сваёй хаце, гэтага* ***хамуйлу****, гэтае* ***плюгаўства****.* (Я. Купала. Паўлінка) [Дабрыян:] *Які яшчэ карэспандэнт?* [Антаніна Васільеўна:] *Замежны нейкі. Тэлефон абарваў. Цяпер у прыёмную* ***прыпёрся****.* (К. Крапіва. Брама неўміручасці) [Барадач:] *Ты вось хоць і ягоравец, а наш брат-салдат і павінен уцяміць, што калі спатрэбіўся цар, дык, значыць,* ***прыпёрла*** *так, што далей няма куды.* (К. Губарэвіч. Галоўная стаўка) [Самасееў:] *А-а, пячэ! Гарыць душа! А хто вінаваты? Я б яму за гэта* ***чарапок*** *праламаў бы. Я б яму нізашто не дараваў бы!* (А. Макаёнак. Каб людзі не журыліся). Выделенные слова, имея сниженную эмоционально-экспрессивную оценку, являются ярко характеристическим средством номинации (передают пренебрежительное отношение к персонажам).

Просторечный оттенок слова могут приобретать в переносном значении (в прямом они являются стилистически нейтральными), которое возникает главным образом в результате переноса наименований в направлении «животное → человек» и «неодушевленный предмет → человек»: [Шумейка:] *А вывад такі: калі хочаш спакойна пражыць на свеце, не бяры прыгожай жонкі. З ёй адны непрыемнасці. Вазьмі якога-небудзь* ***кракадзіла****, каб на яго і глянуць ніхто не захацеў, і будзеш ты самым шчаслівым мужам на свеце: і яна цябе будзе любіць, і яе ніхто.* (К. Крапіва. Проба агнём) [Халімон:] <...> *Тфу! Куды гэта я трапіў?* (Азіраецца.) *Пражэктары кругом... Клункі нейкія?.. А дом — мой! І ж-жонка мая... А гэта што за* ***фрукт****?* (Паказвае на Васю.) (У. Сауліч. Халімон камандуе парадам) Сравн.: *кракадзіл*: 1) 'крупное водное пресмыкающееся теплых стран' и 2) *разг. груб.* 'о мерзком, некрасивом человеке'; *фрукт*: 1) 'сочный

съедобный плод какого-л. дерева' и 2) *прост.* 'человек, от которого можно ожидать всяческих неприятностей, подозрительный и ненадежный'.

Комический эффект усиливается при конденсационном употреблении стилистически сниженных слов (разговорных и просторечных): [Канягін:] *<...> Жлукта — гэта страшны* ***тып****. Гэта* ***зяпа****, міла ўсміхаючыся,* ***злопае*** *вас так, што вы і не агледзіцеся. Для яго няма нічога святога, апрача яго* ***трыбуха****. У той час, калі людзі перажываюць вялікія цяжкасці, калі праліваецца святая кроў нашага народа, гэты агідны* ***клоп*** *тлусцее на нашай бядзе. <...>* (К. Крапіва. Мілы чалавек) [Гарык:] ***Жмот няшчасны! Хамло! Фараон егіпецкі! Культаўскі асколак!*** *Ён мне вочы коле, што ўзяў сюды. Ты* ***індык!*** *А я... Пачакай! Я яшчэ пра цябе такую сатырычную паэму* ***адгрохаю****, што... у «Кракадзіл».* (А. Макаёнак. Пагарэльцы)

Выразительное средство комической экспрессии — конденсация глагольных форм со значением мгновенного действия, являющихся отличительной особенностью разговорного стиля: [Паўлінка:] *Гэта ты, як пятух, а я, як...* [Якім (перапыняючы):] *Як курыца.* [Паўлінка:] *Не курыца, а як зязюлька.* [Якім:] *Як зязюлька, праз акно* ***фырр!*** *а пятух* ***цап****, а поп крапілам* ***пырсь!*** *а там...* [Паўлінка (смеючыся) :] *А там ізноў* ***фырр!..*** (Я. Купала. Паўлінка)

К просторечной лексике относятся также диалектизмы и жаргонизмы, которые утратили свою локальную и социально ограниченную закреплечность [5].

Среди диалектизмов как средства создания и усиления комического эффекта [6] в белорусской драматургической речи встречаются следующие типы:

1. Фонетические диалектизмы, которые отражают звуковые особенности местных говоров либо территориального диалекта. К таким особенностям относятся:

а) Замена несвойственного говорам звука [ф] звуком [х] или сочетанием [хв]: [Кручкоў:] *Добра! Няхай усё аддадуць* ***хурману****, ды спакуйце там харашэнька ў возе... <...>* (В. Д.-Марцінкевіч. Пінская шляхта) [Другі мужчына:] *Тутацькі* ***грахвіня*** *жыве?* (К. Губарэвіч. Брэсцкі мір) [Грэйвіц:] *Паглядзім гэта.* (Разгортвае яшчэ адзін трохкутнік.) *Почырк дзіцячы... Памылка на памылцы.* (Чытае.) «Дзень добры, татка!» *Гэта бацька, мабыць.* (Працягвае.) *«Сёння ў сельсавеце Кузьма Андрэевіч сказаў, што мы* ***хвашыстаў*** *шапкамі закідаем <...>».* (А. Дудараў. Узлёт)

б) Перестановка смежных (несмежных) звуков или слогов, которая чаще всего наблюдается в заимствованных словах и обуславливается заменой непривычных (трудных для произношения) иноязычных сочетаний звуков более привычными для родного языка: [Адзін:] *Мы згаджаемся! Адабраць усю панскую зямлю!* [Другі:] *Канфіскацыя жывога і мёртвага...* [Жанчыны:] *Каровы, свінні... А мёртвы* ***вінентар?*** *Які гэта?* [Другі:] *Не ведаеш? Плугі, косы, малатарка... Усё гумно.* (М. Грамыка. Каля тэрасы) [Падрадчык:] *Ваша*

сіяцельства! Гэта і ёсць самы чарвяк... Ён точыць... З гэтых, з ***гінілістых****... З настаўнікаў прагналі...* [Начальнік:] *Нігілісты?* (Б'е Кастуся па твары.) *Рррастраляю мярзаўца!* <...> (М. Гарэцкі. Чырвоныя ружы) Как свидетельствуют примеры, метатезные образования могут заметно отличаться от своих прототипов звуковой формой и поэтому идентифицируются с ними иногда только с помощью контекста.

в) Перенос ударения. Так, в комедии В. Д. Марцинкевича «Пинская шляхта» встречаются (чаще всего в стихотворной речи) такие акцентологические формы, как *лозу, козу, прасніцай, малоды, акаліцы, жыцце, карбавонцы, язык*і і інш.: [Куторга:] <...> *Дзярэ каза ў лесе* ***лозу****, / Воўк дзярэ ў лесе* ***козу*** <...>; [Марыся:] *Годзі сядзець над* ***прасніцай****, — / Я хачу быць маладзіцай! Маці кажа: век* ***малоды****, / Ой, ты яшчэ мала! А сама ўжо ў гэты годы / Бацьку пакахала.*; [Куторга:] *Нашы Пінскі* ***акаліцы*** *—* ***Жыцце*** *хоць цару, царыцы!* <...> *Тагды квартаю чырвонцы, / Гарцам мерым* ***карбавонцы****.* Употребление диалектных акцентологических форм обусловлено версификационными особенностями — ритмом и / или рифмой. Сравн. литературные формы: *лазу, казу, прасніцай, малады, аколіцы* (чаще *ваколіцы*), *жыццё, карбаванцы*.

К фонетическим диалектизмам целесообразно относить также диалектные слова, которые не отражают звуковых особенностей фонетической системы говора или диалекта, а передают особенности звучания отдельных слов*: [Лютынскі-бацька:] *Глумяць людзей, глумяць! І ніхто слова не скажа. За што яны мяне агалечылі? Малатарню меў? Жарабцом народ* ***іксплаціраваў****? Дык хіба ж я гвалтам цябе каторага* ***іксплаціраваў****?* <...> (К. Крапіва. Канец дружбы) [Слуга:] *Можа, пан,* ***левальвер*** *ці што схаваўшы? Лепей аддайце мне, бо ў вас знойдуць, — не падаруюць...* (М. Гарэцкі. Чырвоныя ружы) [Пані:] *Добра, Яўтух! Ось што, Яўтух: ты, гэта... патурбуйся, скажы тым дзеўкам, няхай прыходзяць за сваімі* ***хвусцінкамі****; памогуць у нас бяллё адціраць, з* ***хвусткі*** *будуць мець...* (М. Гарэцкі. Антон)

В одном контексте может встречаться конденсация фонетических диалектизмов с разными особенностями, от чего комический эффект еще больше усиливается: [Жонка:] *Ты не бачыла, то табе і не рупіць, а мяне ой як цягне горад назад, там* ***цеатры****, бульвары, матаграфы.* [Мар'я:] *А скажыце, пані, што-небудзь пра той* ***ціяцер чы*** *бульвар.* (У. Галубок. Пісаравы імяніны) Выделенные диалектизмы отличаются от соответствующих литературных слов следующими особенностями: цеканьем,

---

* Существует мнение, что необходимо отличать фонетические диалектизмы, передающие явления, свойственные всей звуковой системе говора или диалекта (напр., цоканье, яканье, произношение [х] вместо [к] и др.) и диалектизмы лексико-фонетические, отражающие звуковые особенности отдельных слов [7,8]. Однако при рассмотрении диалектизмов как средства комического нецелесообразно, по нашему мнению, придерживаться такого разграничения, поскольку диалектизмы обоих типов в драматургической речи функционально не отличаются характерными особенностями.

которое наблюдается в иноязычных словах ([**ц**']еатры, [**ц**']іяцер), эпентическим согласным, который возникает между гласными звуками в середине слова, и эпентическим гласным, что появляется в концевом труднопроизносимом сочетании между шумным [ц'] и сонорным [р] (ц[**ій**а]ц[']э]р), а также произношением союза [чы] (вместо [ц'і])*.

2. Лексические диалектизмы как местные названия общеизвестных понятий. Такие диалектизмы по сравнению с литературными словами полностью отличаются фонетико-морфемным строением и, кроме того, имеют яркую экспрессивную окраску: [Ціхон:] *Хрэн табе ў вочы! Добра табе* ***прастарэкаваць****, калі няма на шыі бяды.* <...> (В. Д.-Марцінкевіч. Пінская шляхта) [Халімон:] *Міхаль, давай дзікалону, пані* ***выпрудзілася****.* (К. Крапіва. Партызаны) [Сакратар:] *Туманам агурнуты... на воблаках кахання лётае:* ***урэзаўся*** *ў дачку Аўдзея — і не ў сабе, як не свой.* (Е. Міровіч. Кар'ера Брызгаліна) [Куліна:] *Няма калі* ***лыхаць*** *па сялу. З работай во ніяк не развяжуся.* (У. Сауліч. Халімон камандуе парадам) Диалектизмы употреблены со следующими значениями: *прастарэкаваць* — 'говорить глупости, болтать' [9], *выпрудзілася* — 'сомлела' [9], *урэзалася* — 'влюбилась' [10], *лыхаць* — 'ходить, бегать без надобности' (сравн.: *лахаць* — 'шататься, шляться' [11]).

3. Словообразовательные диалектизмы, которые отличаются от соответствующих литературных слов деривационными аффиксами: [Куторга:] <...> *З якой* ***нецярпячкай*** *я ждаў шчаслівага моманту, каб пацалаваць беленькую ручку панны.* <...> (В. Д.-Марцінкевіч. Пінская шляхта) [Пасіёра:] *Разлічвае сваю* ***макітру*** *зберагчы, на выпадак, калі нашы з плячэй паляцяць.* (У. Караткевіч. Званы Віцебска) Сравн. диалектные формы и литературные: *нецярпячкай — нецярпеннем, макітра — макацёр.*

4. Морфологические диалектизмы, которые отличаются от литературных слов грамматическими формами (рода, числа, падежа, лица, степени сравнения и т. п.). Комически воспринимаются прежде всего диалектные формы рода существительных: [Малання:] *Што, родны, зноў у* ***цэнтру*** *едзеш?* [Сяргей Пятровіч:] *У* ***цэнтру****, толькі ў другую.* (Е. Міровіч. Кар'ера Брызгаліна) [Суседка:] *У кіпіраціве* ***павідлу*** *выдаюць і селядцоў па кіло.* (Р. Кобец. Гута) [Сымон (падыходзіць да Патапенкі):] *Гэта ён дарэмна* ***штурмай*** *пайшоў. Такую атакай не возьмеш.* (Бярэ пад казырок.) *Здравія жадаю, вашбродзь!* (К. Губарэвіч. Галоўная стаўка)

Реже встречаются в комической функции с м е ш а н н ы е д и а л е к т и з м ы, совмещающие в себе особенности разных типов диалектизмов, например, фонетических и словообразовательных: [Драч (паручніку):] *Дазвольце вярнуцца да* ***ахвіцар'я****.* (К. Губарэвіч. Брэсцкі мір) Выделенный диалектизм отличается от соответствующего литературного слова *афіцэрства* фонетически (заменой [ф] сочетанием [хв]) и

* По мнению И. Я. Лепешева, *чы* можно считать украинизмом или польским словом (czy — 'ли') [9].

словообразовательно (наличием суффикса [й]; сравн. диалектную форму а[х]віцар[й-о] и литературную а[ф']іцэр[ств-а]).

Ж а р г о н и з м ы как часть просторечной лексики, которой свойственна яркая экспрессивно-стилистическая окраска [12,13], имеют социально или профессионально ограниченное употребление. Некоторые жаргонные слова (получившие распространение за пределами жаргона, в разговорной речи, не связанной со строгими литературными нормами) можно считать жаргонизмами только генетически, потому что, проникая в литературный язык, в том числе и в художественную речь, они уже принадлежат просторечию [14].

Комическая функция жаргонизмов обусловлена их ярко выраженной отрицательной оценочностью. Имея «значительную долю шутки, эмоций и экспрессии», жаргонизмы «используются прежде всего для оживления речи, создания особенного речевого колорита» [15]: [Прышчэпа:] *На судзе можа ты і не ўсё сказаў, і я разумею цябе. Табе, вядома, страшна было, каб* ***вышку*** *не далі.* (К. Губарэвіч. Першы ўрок) [Барыс:] *Арцём! Ты зломіш пазваночнік і ўсё жыццё будзеш плаціць мне* ***аліменты!*** (М. Матукоўскі. Мужчына, будзь мужчынам, або Уваскрэсенне Дон Кіхота) [Лаўра:] *Лафа — кабак,* ***чарніла, додзікі!*** (У. Сауліч. Адзін Гаўрыла ў Полацку) [Куліна:] *А дзе ж нам транспарант гэты ўзяць?* [Іван Сідаравіч:] *Гэта мы* ***зварганім!*** (У. Сауліч. Халімон камандуе парадам) Одни из жаргонизмов возникли в результате метафоризации значений литературных слов: *вышка* — ‘высшая мера судебного наказания’, *аліменты* — ‘материальные (денежные) средства, которые выплачиваются на содержание нетрудоспособных’, *чарніла* — ‘дешевое, некачественное плодово-ягодное вино’, другие жаргонизмы — моносеманты-окказионализмы: *додзікі* — ‘люди, которые, приспосабливаясь к обстановке, легко меняют свои мнения, взгляды; хамелеоны’, *зварганім* — ‘придумаем’.

В роли жаргонизмов могут употребляться русскоязычные слова, жаргонные значения которых возникают на основе метафоризации: [Бацька:] *Разлічымся. Ты ж мяне ведаеш — маё слова цвёрдае.* [Іван:] ***Замётана****... Іду...* (Знікае за акном.) (З. Дудзюк. Заложнікі шчасця) *Замётана* (руск. *замётано*) — ‘договорено, согласие’; сравн.: первичное значение ‘крупными стежками зашито’.

Рассматривая особенности речи деда Цыбульки (А. Макаёнак. Таблетку под язык), И. Я. Лепешев замечает, что персонаж «наделен каким-то необычным и ничем не оправданным жаргоном»; это диалектные слова, которые не отражают особенностей определенного диалекта, а воспринимаются как «странная смесь» из разных говоров [9]. К числу таких «жаргонизмов» исследователь относит глагольные формы второго спряжения, которые в третьем лице единственного числа употребляются то с *-ць* (на конце), то без *-ць*: *перайначыць, меціць*, но: *бача, уключа*, фонетические варианты некоторых местоимений: наряду с *ета* (*Што ета за*

машина?), *етакае* (*такое-етакае*) употребляется форма *гэта* (*Гэта як назваць? Што гэта?*), а иногда в одном высказывании то и другое (*Гэта ж трэба, каб етак?*), формы слов неславянского происхождения то с твёрдыми [д] и [т] (*бактэрыя, дыстанцыя, перспектыва*), то с мягкими (*апеціт, целевізар*) [16]. Думается, такое жаргонно-макароническое употребление языковых средств, в том числе диалектизмов, объясняется стремлением А. Макаёнка создать полнокровный образ деда-вундеркинда, который не был бы «типичным» представителем сельчан, а отличался бы от них своей неординарностью, что проявлялось бы не только в его поведении, но и в речи.

Таким образом, стилистически сниженная лексика является эффективным средством комического в белорусской драматургии. Кроме разговорных слов с яркой эмоционально-экспрессивной окраской, эта лексика включает просторечные как экспрессивно более сниженные, к которым целесообразно относить также некоторые типы диалектизмов (фонетические, лексические, словообразовательные, морфологические), и жаргонизмы. Действенный прием усиления комического эффекта — конденсационное употребление стилистически сниженных слов.

Примечания

1. Колоколова Л.И. Речевые средства юмора и сатиры в творчестве А.П. Чехова// Анализ языка и стиля художественных произведений. Киев, 1959. С.69.
2. Касьянов А.В. О речевых средствах юмора и сатиры в комедии Н.В.Гоголя «Ревизор»// Уч. зап. Армавирского гос. пед. ин-та. Вып. 2. Краснодар, 1962. Т.4. С.14.
3. Илюшин А.А. Языковые приемы создания комического у Гоголя// Русский язык в школе. 1966. № 3. С.23.
4. Лаптева О.А. Разговорная речь// Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.407-408.
5. Бельчиков Ю.А. Просторечие// Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.402.
6. Прохорова В.Н. Диалектизм// Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С.71.
7. Калинин А.В. Лексика русского языка. М., 1971.
8. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972. С.119.
9. Лепешаў І.Я. Лінгвістычны аналіз літаратурнага твора: У 2. ч. Минск, 1981. Ч.1. С. 118, 114, 153.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Минск, 1983. Т. 5. С.51.
11. Яўсееў Р. Маці казала так...: (З гаворкі Бялыніцкага раёна). Минск., 1978. С.61.
12. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология. М., 1987. С.108.
13. Шишов В.Ф. Некодифицированная лексика в повести К.Г. Паустовского «Время больших ожиданий»// Язык и стиль произведений В.П. Катаева, К.Г. Паустовского и Л.И. Славинского. Одесса, 1987. С.66.
14. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986. С.146.
15. Лукашанец А.Г. Жаргон// Беларуская мова: Энцыклопедия. Минск, 1994. С.202.
16. Лепешаў І.Я. Лінгвістычны аналіз літаратурнага твора: У 2 ч. Гродна, 2000. Ч.2. С.85.

Н.Н. Романова

АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Вектор современных исследований в области теории речевой деятельности определен социокультурной доминантой нового тысячелетия, гуманизацией научного мышления, основных его типов и дискурсов: естественнонаучного / инженерного, гуманитарного и социального [1]. Очевидные процессы конвергенции и интеграции частных научных картин мира, их стремление к синтезу и гармонической целостности отражают формирование качественно новой - ноосферной (по В.В.Вернадскому) методологической парадигмы.

В основе данной парадигмы лежат холодинамическая/ ритмодинамическая и биоадекватная концепции современного естествознания: теория торсионных полей как физической основы сознания и теория полевых энергоинформационных взаимодействий как механизма сознания. В тождественных по сути трехуровневой сферической модели взаимопроникающих пространств Универсума [2] и трехмерной голографической модели Вселенной [3] индивидуальное сознание рассматривается как микромодуль "торсионной вычислительной машины Вселенной", где мозг человека, подобно интерфейсу, преобразует энергоинформационное поле сознания в вещество и обратно.

В проекции на психолингвистику соотношение названных начал с уровнями речевого сознания и речемыслительной деятельности определяется следующим образом: информация соотносится со смысловым уровнем, энергия - с картиной мира, вещество - со знаковым воплощением [4]. При этом анализ речевого сознания, трехкомпонентную структуру которого (по А.Н.Леонтьеву) составляют чувственное восприятие образа, значение и личностный смысл, основывается преимущественно на изучении языковых знаков, т.е. кодифицированных знаний, сформированных коллективным сознанием без учета индивидуального или группового восприятия. Однако "в каждом акте сознания сложным образом взаимодействуют семантический, мнестический и перцептивный уровни образно-концептуального отражения конкретных предметов и ситуаций действительности, данных в индивидуальном опыте" и обеспечиваемых "интегративной деятельностью обоих полушарий мозга" [5].

Развивающая данные положения ноосферная методологическая парадигма базируется на анализе механизмов функциональной кросскорреляции нейрофизиологических, "лингвистических и голографических аспектов мышления" [6] как системообразующего фактора

речемыслительной деятельности. Основополагающим здесь является признание того факта, что через язык как материю и речь как инструмент происходит приобщение человека к ментальному полю ноосферы, к историческому и актуальному социокультурному опыту цивилизации. Существующий изначально "непроявленный" замысел ("мыслеобраз"), имеющий архетипическую, т.е. надъязыковую природу, в процессе вербального "проявления" приобретает специфические значения, привносимые единицами конкретного национального языка и отражающие расхождения в языковых картинах мира у представителей разных этносов или особенности психосоциокультурного облика представителей одного языкового сознания.

Проблемы своеобразия национальных языков в их взаимосвязи с национальным сознанием, психологией, менталитетом интенсивно исследуются в последнее время смежными науками: антропологией, этнографией, этнопсихологией, этнопсихолингвистикой, психологией культуры и др. Оптимальным здесь является, на наш взгляд, комплексный подход к исследованию национального языкового сознания как сложного системного объекта, детерминированного культурой этноса, его исторически сложившейся картиной мира. Последняя также представляет собой сложную систему ментальных репрезентаций действительности, важнейшими из которых являются ценностные ориентиры, выработанные обществом и закрепленные в его речевых нормах, поведенческих стереотипах, объектах и образах культуры.

В лингвокультурологическом аспекте картина мира в сознании каждого народа или определенной группы в составе социума рассматривается в сопоставлении основных культурных концептов - системообразующих ментальных сущностей, имеющих образные, понятийные и ценностные характеристики (например: *дом, дорога, судьба, добро / зло, жизнь / смерть* и т.п.). Система подобных концептов и образует ценностную картину мира. Последняя выявляется на основе анализа прецедентных для данной культуры текстов (фольклорных, литературных, юридических, религиозных и др.), этикетных формул, значений лексических и фразеологических единиц, их ассоциативно-семантических связей и полей, механизмов вербализации ассоциативного "мыслеобраза".

Для выявления и изучения словесно-образной структуры ассоциативных связей в сознании носителей одного или разных языков используется целый арсенал методик, и ,прежде всего, свободный ассоциативный эксперимент. Исходным посылом здесь является признание принципиального единства природы семантических и ассоциативных группировок лексических единиц, на чем и базируются соответствующие справочные источники (например, "Словарь ассоциативных норм английского языка" Кента - Розанова, "Словарь ассоциативных норм русского языка" под ред. А.А.Леонтьева, "Русский ассоциативный словарь"

под ред. Г.А.Черкасовой и др.). Словарную статью в данных изданиях формирует слово-стимул, сопровождаемое списком слов-реакций по принципу убывающей частотности (например: "друг" - *товарищ, враг, верный,.. детства,.. навсегда* ...и т.д.). В итоге формируется ассоциативное поле лексемы - фрагмент вербальной памяти человека и картины мира определенного этноса, запечатленный в сознании носителя данной культуры и отражающий его культурные стереотипы в рамках когнитивного, языкового и эмоционального контекстов.

Выделяемое в ассоциативно-семантическом поле лексемы стандартное "ядро" (наиболее частотная реакция) составляет собственно ассоциативную норму, которая фиксирует наиболее прочные ассоциативные связи со словом-стимулом у большинства носителей данного языка вообще или определенной группы (социальной, профессиональной, возрастной и т.п.). По мысли Ю.Н.Караулова, эта ядерная часть, свидетельствующая об одинаковом видении мира представителями одного этноса, в сущности предназначена для идентификации личности данной речевой общности. Следующие за "ядерным" словом лексемы образуют "переходную зону" реакций, достаточно часто, но менее прочно связанных со стимулом. Наконец, в "периферийную зону" попадают одиночные слова-реакции, вероятность появления которых крайне мала и обусловлена лишь контекстуально.

Дальнейшему осмыслению закономерностей появления и функционирования в речемыслительной деятельности тех или иных ассоциативных связей способствует их уровневая дифференциация. Так, в парадигматических ассоциациях, как известно, слово-реакция соотносится со словом-стимулом либо по принципу координации (синонимо-антонимические отношения), либо по принципу субординации (родо-видовые отношения). В синтагматических ассоциациях реакции "дополняют" стимул, образуя с ним словосочетания. Наконец, тематические ассоциации ограничивают появление реакций на стимул рамками определенного контекста (предложения). При этом парадигматические и синтагматические ассоциации могут быть охарактеризованы как собственно лингвистические, т.к. основаны на системных языковых связях слова-стимула; источники тематических ассоциаций могут быть определены как экстралингвистические, ибо основаны на отражении сознанием фактов взаимодействия слова-стимула с иными реалиями.

Научное осмысление материала ассоциативных исследований является одним из перспективных направлений психолингвистики, активно использующим современные информационные технологии. Последние позволяют существенно оптимизировать процесс обработки и классификации полученных данных и оперативно представлять результаты исследования в электронных версиях, открытых для необходимой коррекции и дополнений.

Примером подобного решения проблемы может служить совместный российско-французский эксперимент, проведенный в 1999 г. в Московском

государственном техническом университете им. Н.Э.Баумана, Московском государственном университете печати и Лионской высшей инженерной школе. Анализ полученных от 237 российских и 130 французских респондентов соответственно 10000 и 4000 реакций на тематические стимулы (из области информатики и информационных технологий) лег в основу создания электронного ассоциативного словаря, ранжирующего частотность реакций на заголовочное слово-стимул, и ассоциативного тезауруса, дифференцирующего реакции по степени их семантической связанности.

Значимость тезауруса в оформлении результатов ассоциативного эксперимента следует отметить особо. Как модель семантической системы лексики, основанной на иерархии понятий и идущей от содержания к форме (от смысла к лексическому выражению), составление тезауруса в контексте ассоциативного исследования позволяет дополнительно выявить частотность различных видов полисемии: лексической, грамматической (морфологической и синтаксической), метафорической. Последнее представляет отдельный интерес, поскольку проявляет контекстуальную и пресуппозиционную многозначность не только слов и их сочетаний, но и целых предложений и даже микротекстов, связываемых в сознании респондента фоновыми знаниями.

Очерченные в подобных словаре и тезаурусе ассоциативные поля отражают фрагменты картины мира у представителей разнонационального языкового сознания и характеризуют нормативные вербально-образные связи со словом-стимулом у большинства носителей данных языков или определенных групп (социальных, профессиональных, возрастных и т.п.). А если учесть, что социально-возрастной и профессиональный состав участников рассматриваемоого эксперимента был достаточно однородным (все респонденты являлись студентами I-IV курсов - будущими редакторами, книговедами, экономистами, инженерами-системотехниками по АСУ, технологами-полиграфистами), то в этом случае своеобразие выявленных связей может быть отнесено за счет опосредованного отражения национально-культурной специфики сознания этносов, в свою очередь обусловленной геополитическими и социально-историческими факторами.

В оценке данного явления необходимо разграничивать абстрактно-теоретический (общеэволюционный) и конкретно-практический подходы. Если в плане перспективы цивилизации многоаспектная “мозаичность” человечества (по Л.Н.Гумилеву) придает ему определенную “пластичность”, а “этническая пестрота” служит “оптимальной формой выживания”, то в плане актуального общения этносов те же факторы являются барьером на всех уровнях межкультурной коммуникации, и прежде всего межъязыковой. Отсюда важность сопоставительных этнопсихолингвистических исследований, выявляющих не только специфику, но и универсальные ценности в сознании и культуре наций и народов.

Значение экспериментального изучения, в частности, ассоциативных языковых связей в сознании представителей разных этнических или социальных групп видится прежде всего в расширении базы данных собственно лингвистических наук, исследующих не только кодифицированные (нормативные) явления языка, но и различные "отклонения" от стереотипных языковых связей и отношений как виды реализации многообразных коммуникативных структур в особых условиях (объективно сложившихся или субъективно ограниченных).

Кроме того, эти данные позволяют выстраивать более общие модели речемыслительной деятельности, выявлять основные и дополнительные механизмы формирования "мыслеобраза", "мыслеформы" [7], природу и структуру определяющих их словесно-ассоциативных связей. Выводы подобных исследований имеют большое прикладное значение в различных областях деятельности, использующих речевые средства коммуникации: слухоречевой дефектологии, инженерной психологии, информационных системах управления и связи, сфере рекламного бизнеса, политико-идеологического воздействия СМИ и, конечно же, в теории и практике преподавания языков (родного и иностранных).

В более широком и перспекивном контексте результаты психолингвистических исследований ассоциативных механизмов сознания и речи имеют важное значение для повышения культуры речевой коммуникации индивидуального и коллективного носителей языкового сознания, гармонизации их в социуме, этнической и интернациональной общности. Формируемая при этом целостная, системная модель речемыслительной деятельности, основанная на принципах культуро- и природосообразности [8], отвечает современным естественнонаучным и лингвокультурологическим концепциям и складывающейся ноосферной методологической парадигме научного мышления.

Примечания

1. Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
2. Волченко В.Н. Информационная модель сознания в номогенезе: философский, естественнонаучный и социально-психологический аспекты.// Сознание и физическая реальность. М., 1999. №3. Т.4.С. 29 - 40.
3. Акимов А.Е., Карпенко Ю.П. Место сознания в системе научного знания.// Сознание и физическая реальность. М.,1999. №.5. Т.4. С. 24 - 35.
4. Сухих С.А. Языковое сознание - энергоинформационный подход // Языковое сознание: содержание и функционирование. М., 2000. С. 240-241.
5. Глозман Ж.М. Речевое сознание и зрительные образы // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. М., 2000.С. 61-62.
6. Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М., 1975.
7. Романова Н.Н. Психолингвистический анализ механизмов реализации и регулирования речемыслительной деятельности// Вестник МГТУ им. Н.Э.Баумана. Серия "Естественные науки". 2000. №1. С. 116-126.
8. Маслова Н.В. Ноосферное образование: монография. М., 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

Костромина Е.А. Своеобразие цитации в рекламных текстах..... 3
Крамкова О.В. Особенности функционирования деминутивов в современной литературе криминального содержания 10
Кузнецова О.В., Синеокова Т.Н. Корреляционные связи между структурно-семантическими разновидностями повторов и особенностями их актуального членения в эмоционально окрашенной речи (на материале русского и английского языков). 16
Лазаревич С.В. Ассоциативное развертывание аббревиатур (на материале русского военного жаргона) 24
Литвинникова О.И. Производный глагол в творчестве Владимира Личутина 29
Макшанцева Н.В. Национальная концептосфера как основа языковой и культурной коммуникации 38
Маркова Т.Д. Однокоренные глагол и субстантив в тексте: семантика повтора 44
Наумова Е.В. Использование фразеологических единиц в тексте..... 51
Пацюкова О.А. Структурно-смысловая асимметрия производных глаголов с префиксом *раз-* как источник их идиоматичности 56
Рацибурская Л.В. Словообразовательные парадигмы, включающие слова с уникальными морфемами в словообразовательной системе русского языка 61
Роговцов В.И. Стилистически сниженная лексика как средство комического (на материале белорусской драматургии) 66
Романова Н.Н. Анализ ассоциативных механизмов речемыслительной деятельности в аспекте современных естественнонаучных и лингвокультурологических концепций..... 73

ЯЗЫК • РЕЧЬ • РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Межвузовский сборник научных трудов
Выпуск четвертый
Часть вторая

Редакторы: Шахрова Л.П., Морозова Н.И.

Лицензия ЛР №020073 от 20.06.97

Подписано в печать 21.08.01 Формат 60x90/16 Печать офсетная

Печ. л. 4,9 Тираж 200 экз. Заказ Цена договорная

Издательство НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
603155, г. Н. Новгород, ул. Минина 31-а